

Пётр Алмазный + Юрий Манов

КНИГА

2

Аринец поневоле

Юрий Манов

Ариец поневоле. Книга 2

«Автор»

«Автор»

2026

Юрий Манов

Ариец поневоле. Книга 2 / Юрий Манов — «Автор», «Автор»,
2026

Советский человек в теле врага. Шпион без связей, герой без Родины, ребёнок среди чудовищ. «Юный Штирлиц» — попаданец в подростка, участвующего в секретном проекте Аненербе. Группа состоит из особенных детей, в которых германские ученые-окультисты пытаются разбудить сверхъестественные способности. Теперь герою нужно притворяться одним из них. Понять, какие тайны скрывает этот проект, и главное — найти способ повернуть историю в другую сторону.

© Юрий Манов, 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перелет	6
Глава 2. Аррива, Эспанья!	11
Глава 3. Боевое крещение	16
Глава 4. Атака мертвецов	21
Глава 5. Летчик	26
Глава 6. Голондрина	31
Глава 7. Разведка без боя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Петр Алмазный, Юрий Манов

Ариец поневоле. Книга 2

Название: Ариец поневоле — 2

Авторы: Петр Алмазный, Юрий Манов

Глава 1. Перелет

Ждали мы довольно долго. Оба самолета уже дважды прогревали двигатели, а команды на взлет все не было.

Мы терпеливо сидели в автобусе, держа ранцы на коленях. Я, кстати, свой прощупал. Там точно были какие-то консервы и ботинки, которые я вчера применял. Они, кстати, занимали большую часть полезного пространства в ранце. И еще там было что-то мягкое, что-то из ткани. Портянки? Смена белья?

Так, если мне теперь было что сообщить Центру, то это, что нас куда-то везут ни свет, ни заря. И что в один из самолетов загрузилось три десятка трупов в эсэсовской форме. Ну и вдогонку еще передать ценную информацию про очень прозорливую юную гадалку из пансионата фрау Фогель. Нагадала нам всем дальнюю дорогу. И, судя по размерам самолета — очень дальнюю.

Потом я услышал ржание лошадей. Не сказал бы что в довоенной Германии лошади были редкостью, скорее наоборот, даже у нас в школе на хоздворе имелаась лошадка, и истопник Ганс ездил в город на закупки на лошадке с телегой. Но здесь, на аэродроме среди цельнометаллических самолетов...

— Зильбер! — неожиданно услышал я свою фамилию. — Зильбер и Штрайх, на выход, — скомандовал шарфюрер Швабе, появившийся в салоне автобуса.

Мы с Генрихом вышли вслед за офицером, он подвел нас к тому самому самолету с альбатросом на борту и велел ждать. Снова заржала лошадь, я повернулся и увидел довольно странную процессию. Впереди ехал черный «Хорьх» Лингарда, за ним четверка лошадей тащила довольно громоздкую карету с большими задними колесами. Карета изобиловала разными явно излишними элементами, как-то: золоченые завитки, громоздкие фонари и мудреные вензеля с буквой «F».

— Это карета Фридриха Великого, — тихо сказал Генрих. — Я видел ее в музее. Их везут в карете короля Фридриха.

Я уже понял про кого сказал Генрих, и что значит «их». Но сразу почувствовал ту мощную темную силу, что была в Чертовой роще и потом, в Ведьминой башне. Теперь эта сила исходила от тяжелой золоченой кареты. Карета остановилась перед самолетом, на фюзеляже которого была изображена большая птица. Кажется, альбатрос.

— Зачем карета? — искренне удивился я.

— Король Птицелов хочет показать древним духам свою власть на птицами, — сказал Генрих.

Король Птицелов? Я вспомнил ту грамоту, что выдали нам в башне в ответ на послание Гимлера. Неужели нацисты решили... прокатить духов на самолете? А что, если так, то хитро придумано. Для древних духов самолет — как волшебство. Король Птицелов властвует над огромными железными птицами. Значит, настоящий король и достоин уважения!

Замыкала странную процессию еще одна черная машина. «Мерседес». Из нее вышел Зиверс в черном плаще. К нему тут же подбежал Лингард. Они что-то быстро обсудили, вместе посмотрели на карету, подошли к нам. Зиверс протянул свиток Лингарду, тот поспешно передал его Генриху.

— Иди, отнеси им, — сказал Лингард Генриху, кивнув в сторону кареты. — Скажи, что мы принимаем его условия. Иди, не бойся. Твой друг обеспечит тебе проход.

Проход? Что он назвал проходом? Наверное, он про тот искрящийся защитный тоннель, что я проложил в роще. Он что, понадобится и сейчас?

Генрих взял грамоту и медленно пошел к карете, я двинулся за ним. Надо сказать, что наши занятия с доктором над моим даром не прошли даром. И, извиняюсь за тавтологию, дар

свой я применял уже более умело. И когда мы подошли ближе, я почувствовал, что воздух вокруг кареты стал словно плотнее и темнее. И я уже не пытался отодвинуть всю темноту, бороться с ней, а усилием воли выстроил этакий тоннель до двери кареты. Вот по этому тоннелю мы с Генрихом и пошли.

Дверь кареты распахнулась. По задумке каретных дел мастеров выходить из этой кареты следовало посредством лесенки, которая откинулась, едва открылась дверь, но оба белоглазых это дело игнорировали. Сначала на землю спрыгнул Душитель, потом сам Пфайфер. Он был в том же френче, в котором его положили в гроб, но на голове у него теперь был обруч белого металла с вытесненными рунами. Белесые глаза обоих теперь светились с зеленоватым отливом.

— Штрайх, встать на колено и отдай послание, — крикнул Лингард издали.

Генрих обернулся, посмотрел на кричавшего, но на колено вставать не стал. Просто протянул грамоту Пфайферу. Тот грамоту принял и тут же отдал ее Душителю. Судя по всему, он у него был за секретаря. Сам же Пфайфер уставился на Генриха, потом перевел взгляд на меня. Очень хреновые ощущения, словно у тебя в голове копаются. Это как стоматолог во время осмотра возится у тебя во рту своим острым крючком. Не больно еще, но приятного мало. И ожидание, что вот включит сейчас свою бормашинку, и начнется веселуха без анестезии...

И ведь, зараза, лез в самое сокровенное. Говорят, у человека перед смертью вся его жизнь перед глазами проносится, но сейчас мне казалось, что это он мою жизнь, как кино, смотрит. Как открытую книгу читает. И, видимо, увидел то, что его очень удивило. Что пятнадцатилетний пацан перед ним в реальности четвертый десяток разменял, и что может общаться с другими посредством плоской блестящей коробочки, умещавшейся на ладони. Как там в кино было? «А вот это провал, подумал Штирлиц.» Или это из анекдота?

И вдруг я почувствовал прикосновение к моей руке. Это Генрих взял меня за руку и крепко сжимал мою ладонь. Я словно очнулся и эту «раскрытую книгу» решительно захлопнул. Не хватало еще, чтобы какие-то мертвяки в моей памяти копались.

Тем временем Душитель грамоту развернул и что-то громко зачитал. Теперь Пфайфер с ответом не торопился и огненного шара никуда не посылал. Снова посмотрел на нас своими бельмами. Что-то сказал, как прорычал. Душитель кивнул, от грамоты в его руках пошел дымок.

Когда мы вернулись к Лингарду, грамота в руке Генриха еще дымилась. Зиверс жадно схватил ее, развернул, посмотрел на появившиеся знаки.

— Они согласились, — сказал Зиверс быстро. — Готовьтесь к отлету!

Мне не особо много приходилось летать. Ну, в отпуск пару раз, и то недалеко — в Турцию. И один раз сюда — в Германию. Хотел на недельку, а получилось вон как, очень надолго. Перелетов я особо не боялся, и перед взлетом никогда не накачивался закупленным в «Джюти фри» бухлом. Но это в нормальных самолетах. С мягкими сиденьями и прохладительными напитками. С туалетами. Теперь же мне пришлось лететь в «Юнкерсе-52» без особых удобств. Точнее — совсем без удобств. Две длинных жестких лавки вдоль борта с прямоугольными оконцами, вот и весь салон. В добавок в этом салоне нас трясло, качало, подбрасывало. К тому же, когда достаточно поднялись на высоту, стало холодно. Так что предложение доктора Баумайстера надеть теплые куртки был весьма кстати. Как и совет отлить перед полетом, потому как туалетов в таких самолетах не предусмотрено.

Да! С нами летел доктор Баумайстер, а также доктор Вебер и фрау Штрикер. Их привезли на машине перед самым отлетом. Судя по удивленным лицам преподавателей, их тоже подняли внезапно, и от предстоящего путешествия они не в восторге. Особо — фрау Штрикер. С собой она везла большой чемодан. А на поясе Баумайстера я заметил знакомый маузер в деревянной кобуре. Доктор Вебер ограничился одним саквояжем.

Получается, почти вся наша школа куда-то летит. В полном составе, только без директора. Знать бы, куда. Немного успокаивало, что Пфайфер со своей свитой и взводом мертвяков летел в другом самолете. А то, что Лингард с ним — и вовсе радовало. Правда, перед тем, как мы забрались в самолет, он подошел к Феликсу, похлопал его ладошкой по щеке и сказал: «Не беспокойся, мой мальчик, мы скоро увидимся». И с нами летел один его адъютант, баварец по фамилии Швабе в звании шарфюрера. Разговаривать нам он теперь не запрещал, правда из-за шума двигателей приходилось почти кричать на ухо соседу.

— Как думаешь, куда нас везут? — прокричал Лотар.

— Не знаю, но вряд ли на отдых, — ответил я.

— Мы летим туда, где волчатам дадут попробовать кровь, — вдруг крикнул Юрген, сидевший напротив нас. — А кровь льется в Испании. Мы летим в Испанию.

Юрген ошибся. Мы прилетели в Италию. На полевой аэродром где-то под Миланом.

— Бонжорно, камрады! — с таким воодушевленным выкриком встретил нас местный фашист — чернорубашечник, едва дверь самолета открылась. И тут же загнул. От сердца к солнцу. Кстати, чернорубашечник был единственный на весь аэродром. Больше людей в черных рубашках здесь не было. Я по крайней мере, не заметил.

— Приветствую вас в Италии — лучшей стране мира! — продолжил фашист на ломаном немецком. — А наш Милан — лучший город Италии!

Он начал что-то еще про красоты природы, но на него чуть не свалилась сверху фрау Штрикер, первая рванувшая на выход из салона по лесенке.

— О, бонжорно, сеньорита! Как я счастлив в вашем лице...

— Туалет где?! — ухватила фашиста за черный галстук наша фрау. И немедленно унеслась в указанном направлении.

Это было обидно. Италия! Флоренция, Венеция, Рим! Тысячелетняя история! Величественные храмы! Памятники! Художественные галереи! Как я хотел все это посмотреть. А от всей Италии увидел разве что кусты у полевого аэродрома. Потому как едва приземлились, мы тоже первым делом рванули в кусты.

При аэродроме имелась кухня и столовая под навесом. Нас посадили за длинный стол, дали по большой миске макарон с мясом. На столе было также огромное блюдо с томатным салатом, нарезанным белым луком и оливковым маслом, три стопки горячих лепешек. Ешь сколько хочешь. Вместо компота здесь было легкое вино. Италия...

Пока обедали, я потихоньку оглядывался. Видимо, этот аэродром был крупным перевалочным пунктом. Причем — немецким. Всюду слышалась немецкая речь, офицеры и техники были в форме люфтваффе. Прошел взвод десантников в «костяных мешках» — специальных комбинезонах. В ангарах виднелась немецкая военная техника, видимо, ожидала погрузки. И еще мне казалось, что я все это видел. Вот именно этот аэродром. Опять то же чувство дежавю, из-за которого я сюда и попал.

— Так это и есть наше секретное пополнение? — услышал я за своей спиной. Обернулся и сразу его узнал, хотя видел... лишь в видениях. Любимый жених фрау Фигнер из дамского пансиона. Эрик... Имя точно — Эрик. Как же его по фамилии? Она же называла...

Швальбе был в добротной летной куртке с меховым воротником и в кожаном шлеме. Он встал во главе стола и внимательно всмотрелся в наши лица. На мне задержался дольше других. Сунул руку в карман, вытащил оттуда конверт, достал листок, нашел нужное место.

— Эй, кто из вас Пауль Зильбер? — спросил он.

Я тут же поднял руку.

— Я так и думал, — сказал летчик, подходя ко мне. — Давай-ка, парень, бросай эти макаронные дела и пошли, капитан Швальбе угостит тебя настоящей немецкой едой.

Точно! Швальбе! Ласточка по-немецки — дер Швальбе.

Я посмотрел на Аксельбаума, но тот, видимо, уже разглядел капитанские петлицы на летчике и просто кивнул.

Транспортник «Юнкерс-52» с изображением летящей ласточки на борту стоял в самом конце аэродрома у леса. В лесу на полянке был устроен раскладной столик, заставленный красивыми бутылками с яркими этикетками. В центре стола стояло блюдо с жареным поросенком. Ушки у него были завернуты фольгой. За столом сидели два офицера — лейтенант и обер лейтенант, видимо, остальной экипаж данной «Ласточки».

— Это чтобы не подгорели, — объяснил капитан, кивая на поросенка и указывая мне на складной стульчик. Сам же снял куртку и сполоснул руки под умывальником, прибитым к дереву.

— Здесь в Милане есть один приличный немецкий ресторан. Повар — немец из Гамбурга, готовит специально для нас. Потому что я их пасту и оливковое масло видеть уже не могу. Всего месяц я здесь, а эти оливы у меня уже в печенках. Они льют его куда только можно! Даже в майонез! Представляешь?!

Капитан сел за стол, выбрал бутылку и плеснул себе в стакан коньяку. Мне налил в бокал из большого кувшина белого вина и положил на тарелку приличный кусок поросятины.

— Вино здесь хорошее, это да, — сказал капитан, выпив. — Все остальное никуда не годится. Да и сами макаронники... Все какие-то вялые, работаю вяло, словно не выспались. Оживляются только когда болтают. Вот тут за ними не угнаться.

Эрик смешно изобразил руками, как болтают итальянцы, потом посмотрел на свой экипаж, спохватился:

— Вот друзья, это и есть тот самый парень, про которого я вам говорил. Ну помните, когда я чуть было не врезался в виноградники с этим чертовым отпрыском князей или графьев... Парень каким-то чудом влез мне в голову и так рванул штурвал... Словно всю жизнь только и летал на истребителях. И главное, Эмма мне все это дело в письме написала! Все до мельчайших подробностей! И приходится ей верить. Раньше я над ее штучками только посмеивался. Надо же такое придумать, девушки со сверхспособностями! Но что вы думаете... Там одна ее пансионерка гадает. На картах, по кофейным пятнам, по руке. Вот я ее и попросил погадать, чтобы она подсказала, кого из вас, проходимцев, мне выбрать в качестве шафера на свадьбу. Разложила она карты и головой качает. Говорил: «Не торопитесь, свадьбы не будет». Как не будет? Мы с Эммой уже дату назначили, приглашения приготовили. А она: «Нет, не будет». Ну мы просто посмеялись, а утром бац — приказ! Лететь сюда. Получите — распишитесь, как говорят русские.

Капитан снова потянулся за бутылкой.

— А откуда вы знаете про русских? — спросил я, пробуя вино. На вкус, действительно, очень приятно, освежает.

— Так я учился у русских, — просто ответил Эрик. — В городе... как же его... Липцк. Как наш Ляйпциг, только пишется по-другому. Так вот там была секретная школа. И надо сказать, русские знают толк в авиации. «Все выше, выше и выше», — пропел он довольно сносно по-русски и продолжил, — только самолеты у них — барахло. А радиостанции — так вообще просто слезы. Нет ничего надежнее, чем наша «Тётушка Ю». Кстати, ты знаешь, как испанцы называют нашу Юшку? Пава — индюшка! Вот дуралеи! Их кухня тоже полное дерьмо. Только они вместо масла, как у макаронников, всюду пихают свой перец.

— А как у русских с едой? — продолжил интересоваться я.

— Удивительное дело, но кухни у нас похожи. Русские тоже не дураки пожрать. Это также их расхожее выражение. Любят мясо, а едят много картошки и хлеба. Мяса у них мало, а хлеб у них хороший, особенно ржаной. Он темного цвета, непривычного вкуса, но я даже скучаю по нему. А вот негры хлеба почти не едят. У них мясо. И буйволиное молоко с кровью.

Представляешь? Ну да, берут молоко и льют туда кровь от той же буйволицы. Хотя, когда голод, жрут все подряд, даже ящериц и лягушек.

— Так вы и Африке были?

— Ну да, — кивнул капитан. Два года отлетал в Камеруне, пока англичашки нас оттуда окончательно не поперли. И вот там был случай, где твои способности, Пауль, очень бы пригодились. Помните Оберса, которого съели львы? — повернулся Эрик к лейтенантам.

Лейтенанты дружно закивали головами и заулыбались. Видимо, история была веселая, несмотря на обещанный летальный финал. А Эрик ковырнул пару раз в тарелке, отложил вилку, достал из кармана длинную сигару. Прикурил от странного вида костяной зажигалки. Покрутил ее в пальцах, положил на стол. Сам снова потянулся за бутылкой. А я... не мог оторвать взгляда от зажигалки.

Она, действительно, была странного вида. Не каждый день увидишь костяную зажигалку. Но главное — она была густо покрыта странными значками. Очень похожими на те, что были на ожерелье доктора Баумайстера.

— Можно посмотреть? — спросил я.

— Валяй! — разрешил пилот, набулькивая в свой стакан.

Я взял роговую пластину и вдруг почувствовал, как кончики моих пальцев закололо сотнями маленьких иголочек, а в ушах раздался грохот барабанов. Вокруг вдруг стемнело, и я увидел, очень четко увидел пилота Эрика у костра, окруженного хижинами, крытыми пальмовыми листьями. Эрик сидел на большой колоде, перед ним извивались в танце стройные негритянки, а сзади к нему приближался колдун в страшной маске смерти. Может, и не колдун, а вождь, или простой воин в маске, но в одной руке у него было копье с широким блестящим лезвием, а в другой тоже что-то острое, похожее на рог.

Карина была настолько реалистична, что я не выдержал и вскрикнул:

— Осторожно! Сзади!!!

Глава 2. Аррива, Эспанья!

— Эй, ты что, парень? — услышал я над собой встревоженный голос капитана Эрика.

Я огляделся, вокруг было светло. Я на том же аэродроме, на полянке около «Ласточки». Сажу на раскладном стульчике перед столом, сжимаю в руках костяную зажигалку, покрытую странным знаком. Только лоб весь в холодном поту.

— Что это было? — спросил я.

— Что? Ты вдруг побледнел, да вдруг как заорешь: «Берегись! Он сзади»!

Я посмотрел на капитана и довольно подробно описал свое видение.

— Только не сочтите меня за сумасшедшего, — попросил я, отдавая ему зажигалку.

— Не, парень, тут что-то другое. Ведь так все и было. Ночь, костер в деревне, пляски голых негрятенок и вождь с копьем и рогом. Вот этим самым, — указал Эрик на зажигалку. — Это был настоящий рог носорога. Мне его подарил вождь, вместе с копьем и церемониальной маской. Во время засухи я спас его племя. Умудрился сесть в саване около пересохшей реки. Привез им десять бочек воды. Вот он на радостях и подарил. Сказал, что обладателя ждет удача и защита от темных сил. Маску я в кабине повесил, копье в музей отдал. Оно оказалось какое-то ценное — наконечник из редкого метеоритного железа. А рог валялся без дела, вот я и отдал нашему умельцу из мастерской. Он и сделал зажигалку. Не думал, что она так на тебя подействует. Видно ты точно, как там Эмма говорила — медиум! Кстати, если у тебя с этим делом так плотно, а ты вот сейчас не можешь посмотреть, чем там моя Эмма занимается?

— К сожалению, — мотнул я головой. — Для видения нужно еще одно редкое средство. На основе трав из Тибета.

— Ах, да, — кивнул капитан. — Тибетские пилюли, Эмма писала.

— Я могу попросить у доктора Вебера, если вам так надо, — сказал я, снова приглядываясь к зажигалке.

— Вебер? Это который летел свами, мордатый? — спросил Эрик.

— Нет, с широким лицом это, скорее всего — доктор Баумайсер. А доктор Вебер худой, в шляпе.

— Точно, — кивнул Эрик, крутя зажигалку в пальцах. — В шляпе, с саквояжем.

— А доктор Баумайстер тоже был в Африке и даже там воевал. Он привез оттуда магическое ожерелье, так вот на нем такие же письмена, как на вашей зажигалке, — поспешил заметить я.

— Письмена? — удивился Эрик, разглядывая зажигалку внимательно. — Точно, письмена. А я думал, что за царапины. Действительно, письмена. Ну а теперь — главное...

Эрик заметил, как я разглядываю его зажигалку.

— Нравится? Держи. Дарю!

— Нет, ну что вы, — пробовал я отказаться.

— Бери, бери, только это... спроси у своего Баумайстера, что тут написано, интересно ведь...

Я кивнул и совершенно обалдевший принял подарок.

— Извините, я вас перебил. А что вы говорили про льва?

— Про какого льва?

— Ну, про то, что кого-то съели львы.

— А, про это... Ну да, это тоже про Африку. Был у нас один парень Фриц Оберг. В общем-то славный малый, но полный придурок. Как-то он прилетел за грузом черного дерева в факторию, но хорошенько надрался в портовом кабаке и решил слетать поохотиться на львов в саванну. Его, конечно, отговаривали, но куда там! Взял своих собутыльников и пару девиц из припортового кабака, загрузился в свою Юшку и полетел. Когда выбрал место для посадки

— темнело уже. Вот он и кувырнулся в ручье. Рация — вдребезги! Но сам цел. И что ты думаешь? Ему бы разжечь костер побольше, а самому сидеть в самолете, сражаться от страха и ждать помощи. Так нет, выбрался наружу и пошел охотиться. Ну и...

— И что, его и вправду съели львы? — удивился я.

— Нет, съели его и остальных гиены, это точно! Мы их кости еще неделю по округе находили. Все обглоданы гиенами. Надо же было что-то выслать родне в гробах. А вот убил его и остальных придурков, скорее всего, носорог. Там много носорожьих следов было. Ручей-то к водопою вел, вот и собралось там ночью зверья разного. Нет, одну танцовщицу леопард сожрал, затащил на дерево и там лакомился. Хотя львиные следы тоже были. Представляешь, мы идем, а с дерева свешивается изящная дамская ножка в клетчатом чулке, а над ней здоровенная кошачья рожа. И еще шипит, не хочет отдавать добычу.

— И вы его... убили?

— А зачем? Леопард-то в чем виноват? Что поймал в саване — его добыча. Попался львам — сам виноват. Так, спугнули кошку, ногу похоронили. Но не в ногу дело. Остался там один, который все это дело нам рассказал. Его хорошенько приложило при аварии, морду разбил и руку сломал. Так вот он из самолета всю эту неделю, пока их искали, и не вылезал. Ну за водичкой быстро метнется, и назад. Страху натерпелся! Вот имел бы он такие способности, как ты. Смог бы сообщить, где находится А с другой стороны, савана, они и есть савана, поди, найди. Разве что костер ночью. Костер издалека виден...

Летчик выпил, замолчал. Снова плеснул себе в стакан.

— А главное, что я хотел у тебя спросить... — продолжил Эрик. — Какого черта вас несет в Испанию? Вчера приходит письмо от Эммы про вас. Я думал — ошибка какая-то. А сегодня утром получаю предписание срочно доставить вашу спецгруппу в Севилью. Там же война! Какого черта гитлерюгенду делать на войне?

Я только развел руками.

— Ясно, вам тоже не сказали, — сокрушенно покачал головой капитан. — Поглядите, друзья мои, восьмерых сосунков везут туда, где падают бомбы. Ну ладно мы, у нас присяга. Мы служим Германии. Но дети... Куда катится мир? Кстати, как тебе поросенок?

— Вкуснее мяса я не ел! — признался я. Думал, что после полной миски макарон попробую чуть-чуть, а съел весь ломоть с поджаристой корочкой со спинки.

— То-то! Будешь помнить Эрика — ласточку. Ну ладно, кажется, тебе пора, вон дылда тебе машет.

Я повернулся в указанную сторону. Аксельбаум стоял около топливозаправщика, подъехавшего к самолету с ласточкой на фюзеляже, и махал мне рукой. Видимо подходить ближе не решался, чтобы не портить господам офицерам трапезы.

— Ну все, сейчас мне Швабе голову оторвет, — вздохнул я.

— Вашего ефрейтора фамилия Швабе? — хохотнул лейтенант. — Почти как у тебя, Эрик.

— Э, не путай! — махнул рукой пилот. — Я ласточка, а Швабе — тупой. Есть разница. Это как лебедь и свинья. Звучит похоже, а разница огромна.

— Нет, это наш ротенфюрер Аксельбаум, — поторопился объяснить я. — Он тоже из гитлерюгенд. Из прошлого выпуска. А Швабе — адъютант штурмбанфюрера СС Лингарда. Он пока командует группой.

— Слышал я про этого Лингарда от Эммы, — сморщился Эрик. — Из бывших штурмовиков. Как по мне, так редкостная гнида.

— Швабе очень ругался, что тебя кто-то увел, — сказал мне ротенфюрер на обратной дороге. — Он сказал, что отлучение от группы теперь приравнивается к дезертирству.

— Слушай, как это к дезертирству? Мы ведь военной присяги не давали, — возразил я.

— Но мы давали клятву верности фюреру! А это приравнивается к военной присяге, — сказал Аксельбаум уверенно, но по конопатой роже было видно, что сам он от такого не в восторге. Видимо, он и к школе присосался, дабы быть подальше от горячих командировок. Но я его чувства решил не щадить.

— Только что летчики сказали, что мы летим в Испанию. А там — война!

Ротенфюрер стал заметно бледнее.

Отто Швабе посмотрел на меня зло, прошипел, что это — серьёзное нарушение дисциплины, и я буду наказан. Потом велел нам построиться, взять ранцы и идти за ним. Привел нас к душевой. Велел мыться и переодеваться. То мягкое, что я нащупал в вещмешке, было формой. Брюки-галифе цвета хаки и синяя рубашка. Синяя пилотка со смешной кисточкой. И кожаная португеза с поясом. Под брюки очень подошли те самые высокие шнурованные ботинки, что мы примеряли на складе. Свою форму гитлерюгенда мы спрятали обратно в ранцы. Единственное, что свои ножи перевесили на новые пояса.

Вышли, построились.

— Камарадос! — поприветствовал нас заново Швабе и вдруг выкрикнул, одновременно зиганув: — Аррива Испания! Теперь именно так вы будете приветствовать друг друга и старших по званию. Да, в Испании приветствия, почти как у нас, но нет еще такого фюрера. Их вождь Хосе де Ривера только старается быть похожим на нашего фюрера. Но одного старания мало. Хотя он старается. Итак, еще раз!

Швабе зиганул и гаркнул:

— Аррива Испания!

— Арриаа Испания! — послушно повторили мы.

— Хорошо, — кивнул шарфюрер. — В ваших ранцах лежат брошюры по истории испанской партии фалангистов. Это — наши верные союзники. Прочтите и запомните! А теперь оправиться и на погрузку. Самолет уже заправлен. Советую оправиться основательно, лететь далеко.

Помытых и переодетых нас привели к «Ласточке», где уже ждали наши преподаватели. Мы залезли в самолет, но взлетать тот и не собирался. Как я заметил, славный пилот Эрик Швальбе продолжал сидеть за столиком в компании своих лейтенантов, и за штурвал они явно не торопились. С удивлением я заметил за столиком и фрау Штрикер. Летчики ее угощали, она громко смеялась. А меж тем солнце в Италии, пусть и северной, жаркое, а в самолете — душно. Но Швабе нас наружу не пустил, он нервничал, то и дело высовывался из двери и смотрел в сторону дороги. Кажется, он еще кого-то ждал. Когда Клаус стал симулировать удушье, высунув язык и жадно хватая ртом воздух, Швабе на него прикрикнул и велел всем читать брошюру про фалангистов. К счастью, текста там было совсем мало, все больше картинки. По всему, фалангисты во всем старались копировать своих немецких камрадов. У них было много похожего и в форме, и в символике, только вместо свастики везде фигурировала связка золотых стрел или молний.

— Интересно получается, — сказал Лотар, пряча брошюру с молниями на обложке в ранец. — Испанская фаланга основана Хосе Антонио Примо де Риверой в конце октября 1933 года в мадридском театре Комедии.

— Скоро трехлетний юбилей, — согласился я.

— Я не об этом, — сморщился Лотар и добавил тихонько, посмотрев в сторону Швабе. — Просто похоже получается. Фюрер свои первые речи в мюнхенском цирке говорил, а испанцы партию в театре комедии образовали. Обхохочешься.

— И что такого смешного ты вычитал? — услышал его Аксельбаум, сразу посуровев лицом.

— Нет, нет, ничего, мой командир. Просто интересно, долго мы еще жариться здесь будем?

Действительно, мы жарились в самолете уже добрых полчаса. Все уже изнывали от духоты, а команды на взлет все не было. Все были крайне раздражены, кроме, пожалуй, доктора Баумайстера, который принес с собой целый бурдюк вина и теперь без конца дегустировал его. А также Михаэль был увлечен поеданием лепешек, которые прихватил с обеденного стола. Ну и Генрих, тот привычно устался в пол перед собой и никакого недовольства не выражал.

Вебер не выдержал первым пошел к пилотам ругаться. Но его там усадили за стол и дали большой бокал. Фрау Штрикер пришлось пересесть одному из лейтенантов на колени. Швальбе на это посмотрел как-то нервно.

Тем временем дождался и он. Подъехал фургон, два солдата-эсэсовца вытащили из будки какие-то ящики и стали их грузить в салон. После этого поступила долгожданная команда, пилоты, не особо торопясь залезли в салон и прошли в свою кабину. По пути Эрик мне подмигнул, но новую форму посмотрел одобрительно. К моему удивлению, несмотря на выпитое, все пилоты твердо держались на ногах и пьяными не выглядели. А когда Швальбе стал что-то Эрику предьявлять, тот просто послал его к черту и захлопнул перед его носом дверь.

Самолет загудел движками и в скором времени вырулил на взлет.

Не знаю, то ли «Ласточка» — самолет такой хороший, то ли экипаж был опытный, умелый, но нас теперь почти не трясло и не кидало из стороны в сторону.

Я сунул руку в карман и нащупал зажигалку. Похвалился перед Лотаром. Тот дважды щелкнул крышкой и крутанул колесиком, добыв огонь. Показал мне большой палец руки. Тут заметил письмена и повернулся к Баумайстеру. Но доктор только что продегустировал очередной бокал вина и откинулся спиной к борту. Кажется, решил вздремнуть.

Хороший обед и молодое итальянское вино и меня сподвигли на сон. Я сам не заметил, как привалился головой к плечу Лотара и заснул. Проснулся от холода. Видимо, самолет снова забрался на приличную высоту. Натянул куртку и задремал снова. Прилетели мы, когда на улице было уже темно. Тоже полевой аэродром, и вокруг тоже немецкие самолеты с молниями и крестами на крыльях. Встречал нас испанский бригадный командир в синей форме.

— Арриба Испания! — крикнул он перед строем, выбросив правую руку вверх.

Наше дружное приветствие он оценил кивком головы.

— Камрадос! Вы прибыли на благословенную землю Испании. Здесь вас ждут, здесь вам рады. Добро пожаловать в Севилью!

Говорил он с явным испанским акцентом, видимо, приветственные слова просто заучил. Отдельно улыбнулся фрау Штрикер, поцеловал ей ручку, зиганул и пожал руку Баумайстеру, подозвал к себе Швабе и о чем-то с ним заговорил через переводчика. А нас повели к автобусу, который должен был отвезти нас в «казармы». Когда мы загружались в салон, Лотар тронул меня за локоть и молча указал на самолет с альбатросом на борту. Значит, духи с белесыми глазами уже здесь...

«Казармами» оказалась довольно приличная вилла в предместье Севильи. От соседних она отличалась размерами и претензией на готику. Главный корпус был построен под рыцарский замок — с узкими арочными окнами и обилием флигельков со шпилями. Имелись столовая и спальня с дюжиной заправленных коек. Был даже зал, похожий на Багряный, только вместо кресел здесь был большой бильярдный стол. И еще ограда вокруг усадьбы была каменная с вооруженной охраной у кованых ворот.

Прислуга была местная, немецкого не знала, объясняться приходилось жестами и мимикой, но как-то друг друга понимали. Нас покормили ужином с обилием чего-то сильно перченого под легкое молодое вино и велели отдыхать. Перед отбоем в спальню зашел доктор Вебер. Посмотрел на портрет фюрера, который Феликс повесил над своей кроватью, кивнул.

— Ребята, завтра — очень ответственный день, — сказал он. — Завтра у вас первый бой. Доктор Хоффман настаивал, что бы вы... чтобы с вами провели хотя бы месячную армейскую подготовку, но наверху решили, что вы и так вполне готовы. Конечно, вас не пошлют в штыковую атаку, вы сначала будете скорее наблюдать, но прошу вас всех быть осторожнее... Вы...

— Что за детский сад вы развели здесь, доктор?! — на пороге спальни стоял Швабе. — Что за речи я слышу? Гитлерюгенд — верные солдаты фюрера! И все он готовы без малейших колебаний...

Доктор, не оборачиваясь к шарфюреру, шелкнул пальцами. Швабе замолчал на полуслове и застыл с открытым ртом. А доктор Вебер закончил:

— Прошу вас завтра сохранять выдержку и хладнокровие. Вы, ваш талант, ваш дар — все это очень ценно для нашей страны. Вы должны беречь себя.

Доктор повернулся и вышел из спальни. Проходя мимо Швабе, снова шелкнул пальцами.

— ... отдать жизнь за фюрера! — закончил фразу эсэсовец и стал недоуменно оглядываться.

Мнения разделились. Феликс с Аксельбаумом считали, что доктор не должен был применять свои способности в отношении офицера СС. Клаус возражал, что наш доктор тоже имеет право на свое мнение. К тому же Швабе его перебил. Мы с Лотаром Клауса поддержали, неожиданно к нам присоединился Юрген.

— Доктор сказал очень важное, — сказал Юрген твердо. — Завтра — бой. И мы должны быть готовы. Кто из вас готов...

Юрген не договорил, оглянулся по сторонам. И вдруг сменил тему.

— А где Генрих?

Генриха мы нашли в том самом зале, что был похож на наш Багряный, но с бильярдом. Там на столе в углу стоял немецкий приемник «Телефункен». Приемник работал, подмигивая подсвеченной панелью, диктор скороговоркой выдавал сводку новостей. Это было берлинское радио, поэтому мятежники в сводках назывались повстанцами, и сообщалось, что они отважно защищают север страны от коммунистических банд, «... но самые горячие бои развернулись на юге в направлении Севильи, где правительство бросает на убой разное отребье, собравшееся со всей Европы. Так называемые республиканцы, поправ все нормы человеческой морали, подвергли бомбардировкам свое же население. Так вчера был варварски разбомблен городок Херес-де-ла-Фронтера, имеются многочисленные жертвы».

Сводка новостей закончилась, берлинское радио стало передавать легкую музыку.

— Херес-де-ла-Фронтера — это военный аэродром, — сказал Юрген. — А отребье со всей Европы — это интербригады. Коммунисты из интернационала. Говорят, они бьются особо отчаянно. И их много. Дела повстанцев совсем плохи. Крестьяне их не поддерживают. Им не выстоять, если только... Ладно, пошли спать. Завтра — трудный день. Радует одно, если фотографии у доктора получатся, нам будет что послать в письмах милым дамам из пансионата фрау Фогель.

В это время в коридоре раздался какой-то шум. Тяжелые шаги, звяканье и дребезжание чего-то железного. Дверь зала распахнулась от мощного пинка. На пороге стоял... рыцарь. В полном доспехе, в тяжелом шлеме с решетчатым забралом. В руке рыцарь сжимал длинный, скорее всего — двуручный меч.

Рыцарь перехватил меч двумя руками и двинулся прямо на нас.

Глава 3. Боевое крещение

Рыцарь в полном доспехе — это уже слишком! Даже для Испании. Да еще в сандалиях на босу ногу. Такие сандалии я видел только у одного человека — доктора Баумайстера.

А он подошел к нам вплотную, оперся одной рукой на меч, поднял забрало и громко расхохотался.

— Что, испугались, сосунки? Тут в соседнем корпусе целый зал этой железной рухляди. Как я понимаю, хозяин виллы сильно заморачивался по средневековью. Лотар, будь добр, сбегай в мою комнату и принеси фотоаппарат. Местные ничего не понимают. Просил их меня сфотографировать, все шарахаются, как от прокаженного.

Лотар довольно быстро вернулся с фотоаппаратом, и вы снялись с «настоящим рыцарем».

— А что, на ноги ничего не налезло? — спросил я, указывая на сандалии.

— Сплошные маломерки! — сморщился доктор. — А теперь помогите мне снять все это железо!

Как-то не сговариваясь мы собрались с Лотаром в умывальной комнате. Конечно, эта умывалка была явно побогаче, чем там, в усадьбе под Берлином, тут все было в мраморе, везде стояли какие-то вазы, а из кранов в ванной даже текла горячая вода. И еще фарфоровый унитаз. Видимо, владелец виллы — какой-то богач.

— Что скажешь? — спросил Лотар, рассматривая новую коробку с зубным порошком. На картинке могучий бык готовился атаковать тореадора.

— Ты о чем? — решил уточнить я.

— Обо всем. И конкретно — о главном. Зачем нас сюда привезли? Им что, в бой послать некого?

— Ну ты же знаешь ответ. Скорее всего мы — приложение к Пфайферу, который прилетел на «Альбатросе», — ответил я невесело.

— Ну, допустим, вы с Генрихом — да. Переводчики с рун на немецкий. А остальные?

— Ну ты же слышал, что сказал Лингард Хоффману. Волчатам пора попробовать горячей крови. Возможно, он надеется, что дар каждого проявится в боевой обстановке.

Лотар не стал спорить. После долгой паузы сказал:

— Юрген ведь хотел спросить в спальне: «Кто из вас готов... убивать»? Ты — готов?

Я отрицательно мотнул головой.

— Вот и я тоже, — сказал Лотар.

— Но ведь другие готовы, — возразил я.

— Ну да. Шульцу и Аксельбауму только дай винтовку и укажи цель, размышлять не будут. Сразу начнут палить. Во имя фюрера, во имя великой Германии. Не важно в кого. Михаэль... Тоже станет стрелять, потому что приказали. Стреляет он плохо, но может вмазать чем покруче. Клаус — тот будет стрелять из интереса. Просто чтобы пострелять по живым мишеням. Ему не важно, кто они. Генрих... Ему даже винтовку не дадут. Я бы лично не дал...

Спорить было глупо, Лотар был на все сто прав.

В коридоре раздались чьи-то шаги, мы затихли, потом продолжили обсуждать ситуацию снова.

— А Юрген? — спросил я. — Он станет стрелять?

— С ним — не понятно, — пожал плечами Лотар. — Я его вообще плохо понимаю. Что им движет? Обида, ненависть?

— Какая обида?

— А ты что, не знаешь? Его отец — барон Георг фон Фризе. Он был какой-то шишкой у штурмовиков Рэма. Его застрелили по личному приказу Гитлера на вилле в ночь длинных

ножей. Ну ты знаешь эту историю. Заманили все руководство штурмовиков якобы на позднее совещание, пригнали грузовик эсэсовцев с винтовками и перестреляли всех, как овец. Там был и отец Юргена.

— А этот немытый и вечно хмельной мужичок, что приезжает к нему на велосипеде?

— Дядька. Брат его отца. Тоже был штурмовиком. Его пощадили, но лишили баронского титула, и все отняли. Все состояние. Даже не понятно, на что он прибухивает. Кажется, Юрген дает ему деньги, которые дает ему мать. На них и пьет. Кстати, ты как насчет того, чтобы выпить?

Лотар достал из-под рубашки плоскую фляжку и протянул мне. Я свернул пробку, понюхал. Коняк... Вообще-то я никогда не был убежденным трезвенником, но и особой тяги к спиртному не испытывал. А после перемещения в этот мир и подавно. Но вот сейчас вдруг очень захотелось выпить.

— Откуда это у тебя?

— Спер у Баумайстера, пока он в рыцарей игрался. Он не заметит, у него много. Под кроватью — целый бочонок. Я и отлил чуть-чуть.

— Я вообще-то не пью... — как-то не решался я.

— Послушай, Пауль. Завтра нас могут убить. Слышишь? — Лотар кивнул на окно, за которым раздался звук далекого взрыва. — А я не хотел бы подышать не целованным девственником, ни разу не напившись, как свинья. Понимаешь?

Я понимал. Молча взял с полки стеклянный стаканчик для полоскания ротовой полости и подставил под горлышко фляжки.

— Только немножко, по одному стаканчику, ладно?

— Ладно.

Конечно одним стаканчиком дело не закончилось. И очень пригодился апельсин, который Лотар где-то прихватил по дороге.

— Эй, Шульц, что ты прохлаждаешься здесь без дела? — услышали мы голос старосты. — Была команда отбиваться! Если умылся, марш в постель. И нечего здесь... А вы что вы тут делаете? Почему не ложитесь спать?

Аксельбаум стоял на пороге ванной комнаты и удивленно смотрел на нас, на стаканчики с янтарной жидкостью в наших руках.

— Готовимся к завтрашнему бою. Не хочешь составить нам компанию, командир? — вдруг предложил Лотар и потряс фляжкой, на дне которой что-то еще плескалось.

Ротенфюрер подошел, принюхался. На лице его явно обозначилась борьба чувств. Видимо, победило обоняние. Он молча взял с полки еще один стаканчик и протянул Лотару. Тот щедро набулькал туда из фляжки.

Засыпал я совсем пьяненький. Много ли надо пятнадцатилетнему подростку? И я очень хотел увидеть во сне девушку Ангелику. Но видимо, ночной дух Бохр в этот раз опять решил пошалить, и мне приснилась... фрау Штрикер во всей красе. Почти голая — только в прозрачной ночнушке и до безобразия желанная! Она исполняла какой-то совершенно бессовестный танец живота и манила меня пальчиком. Я тянулся к ней и никак не мог дотянуться.

С утра меня мучил сушняк.

И именно фрау Штрикер пришла нас утром будить. Теперь на ней были галифе песочного цвета, блестящие кожаные сапоги и синяя рубашка с аксельбантом. Белокурая шевелюра была умело спрятана под пилотку. Надо признать, форма ей шла.

— Господа курсанты, — сказала фрау Штрикер строго, — после завтрака вам выдадут боевое оружие. Поздравляю!

— Слушай, она мне всю ночь голой снилась, — сказал Лотар шепотом, глядя на аппетитную попку фрау, которая вела нас на завтрак.

— И мне, — признался я.

— И мне тоже, — сказал замыкавший строй Клаус.

Феликс промолчал, хотя по глазам было видно, что у него тоже сон был беспокойный. Лотар понимающе хмыкнул. Когда мы расселись за длинный стол, он назвал прекрасной сеньоритой тетку, подававшую нам кушанья, щелкнул пальцем по быстро опустевшему кувшину, где было вино, и потребовал продолжения банкета.

Как и обещала фрау Штрикер, после завтрака нас вооружили. Оружие привез прямо во двор грузовик с нарисованным на двери пучком из пяти стрел — знак фалангистов. С грузовика сгрузили три ящика. Два тут же вскрыли и выдали нам по винтовке Маузера и по две обоймы. Улыбчивый смуглый водитель записал номера выданных винтовок в тетрадку, но оставшиеся винтовки забирать не стал, так и уехал, оставив все ящики во дворе. Да и тетрадку забыл. Напоследок послал воздушный поцелуй в сторону фрау Штрикер.

— Традиционный испанский бардак, — сказал доктор Вебер, прибирая тетрадку в сак-вояж.

В третьем ящике обнаружили каски. Судя по форме — немецкие.

Доктор Баумайстер первым напялил на голову стальной шлем и выбрал из ящика винтовку. Сразу приладил к ней оптический прицел. Повернулся к нам.

— Хорошая винтовка! «Маузер-98-К», что значит — короткий. Ну что, ребята, помните, как стрелять? А пострелять сегодня придется. Слышите? Лучшая музыка в жизни!

Доктор кивнул в сторону, где раздавалось гулкое эхо канонады.

— А может, нам стоит сделать и лучшее фото в жизни? — подал голос Клаус.

Доктор посмотрел на нас, выстроившихся в новеньких синих рубашках с аксельбантами, с винтовками на плечах, в стальных шлемах на головах.

— А что, вид у вас, засранцев, бравый! Девкам должно понравиться. Ну-ка, Клаус, Юрген, тащите сюда мою чертову камеру. Зильбер, Гейнике, вы принесете ящик, на котором написано «Стекло». И несите его так, словно там действительно секло!

В таинственном ящике была кинокамера, бережно обложенная мешочками с чем-то мягким. Громоздкая, тяжелая, но настоящая кинокамера с жестяными коробами для пленки. Кстати, пленка в камере уже была. К камере тоже прилагалась тренога.

Так что доктор снял нас трижды. Сначала на «Лейку», которую носил на шее, потом на фотопластину фотокамеры на треноге, и, наконец, заставил нас кричать «Аррива» и зиговать на кинопленку.

Вот никогда бы не подумал, что в Испании бойцов на позиции возят на автобусе. Или это только специально для нас? В качестве исключения, как для несовершеннолетних. Признаться, я до конца не верил, что нас реально пошлют прям на передовую. Немцы — слишком практичный народ, чтобы вот так распоряжаться таким ценным ресурсом, коим мы себя считали. Но послали. Вместе с преподавателями. Даже фрау Штрикер ехала с нами. Новенький немецкий автобус упрямо пер нас именно в ту сторону, где с утра ухали разрывы снарядов.

Когда приехали на место и стали покидать салон автобуса, я посмотрел на лица своих однокашников. Как там у Цоя было, «Война — дело молодых. Лекарство против морщин»? Если так, то не очень хотели ребята лечиться. Разве что на лице Клауса был какой-то азарт. А вот остальные... Каждый словно в одночасье повзрослел на пару лет. Больше всего меня ротенфюрер Аксельбаум удивил. Он вдруг побледнел. Трусом он точно не был, но побледнел. Его рыжие конопушки отчетливо выделялись на бледных щеках. Хотя было с чего. Не знаю, получилось это случайно, или так было задумано, но нас привезли под холм к месту... погрузки трупов.

Они лежали рядом и почти по росту. Как на построении, только лежа и босые. Совсем молодые парни и уже седые ветераны рядом, в синих рубашках фалангистов и в полевой форме. Некоторые — в обычных крестьянских рубахах. Вот на белых рубахах кровь была заметна, а так — не очень.

Как пояснил седой капитан саперной команды, командовавший погрузкой, убитые — жертвы утреннего артобстрела.

— Потому что окоп не уважают, — пробурчал он по-немецки. — Те, кто в окопе сидел, все целы остались. Окоп, его уважать надо!

Судя по нашивкам на френче, капитану пришлось посидеть в окопах первой мировой. Он особо тепло поприветствовал доктора Баумайстера и только после этого подал команду. Подошли солдаты в синих рубашках и пилотках, стали грузить убитых в кузов старого раздолбанного грузовика. Особо не церемонились, укладывая мертвых в два ряда друг на друга. Я заметил, что наши преподаватели очень внимательно вглядываются в наши лица. Хотят узнать реакцию «волчат» на свежую кровь? Реакция пока была хреновая. Впрочем, и сами преподаватели от такого были явно не в восторге. Доктор Баумайстер, уже не стесняясь и не таясь то и дело прикладываясь к фляжке, фрау Штрикер отворачивалась и постоянно посматривала в небо, а доктор Вебер... Вот он в своем сером костюме и в мягкой шляпе выглядел здесь совершенно лишним. Как и Генрих. Даже укороченная винтовка «Маузер» ну никак не сочеталась с этим худым подростком с каким-то изможденным лицом.

— Эй, полковник, — сказал капитан Баумайстеру. — Если хочешь еще поучить своих ребят в живом виде, то гони их скорее в окопы. Скоро опять начнет работать артиллерия проклятых коммунистов.

И он указал рукой на вершину холма. Доктор дал знак, мы с Лотаром подхватили кинокамеру на треноге и стали быстро подниматься. За нами едва поспевали Клаус с Михаэлем, которым доктор доверил нести фотокамеру.

На верхушке холма было устроено что-то вроде артиллерийской позиции. Две маленькие пушки были спрятаны за капонирами и прикрыты мешками с песком. На соседнем холме я заметил немецкую зенитку. Такую несуразную, на четырех колесах, такие часто попадались в трофейной документальной хронике о войне.

— Сейчас будет авианалет, потом артподготовка и они пойдут в атаку, — пояснил поднявшийся вместе с нами саперный капитан и указал на вырытые в холме земляные укрытия. — Так что очень вовремя вы приехали. Что стоите? Ставьте свои камеры и прыгайте в окопы.

Мы поставили, попрыгали. Окоп был вырыт основательно, по всем правилам, с блиндажом — «землянкой в три наката». И даже с укрепленным пулеметным гнездом. Пулемет был тоже немецкий на коротких сошках. У пулемета скучал здоровяк в пятнистом масхалате, на каске у него я заметил две молнии. Его второй номер, тоже в масхалате, посредством губной гармошки выводил какой-то знакомый мотивчик. На нас они посмотрели с интересом, особо, когда услышали немецкую речь. Сразу начали искать земляков. Еще в окопе была такая смешная штука — две изогнутые трубы для наблюдения. Перископ.

— Можно посмотреть? — показал на перископ Клаус.

— Смотри, — усмехнулся в усы капитан.

Мы выстроили в очередь к прибору. В общем-то смотреть особо было не на что. На приличном таком расстоянии, километрах в трех от нас виднелись вражеские окопы. Особого движения я там не заметил. Ну, сидят в окопах какие-то люди в фуражках, касках и пилотках. Еще выяснилось, что сами мы вовсе не на передовой. Пред нашей позицией было еще три линии окопов.

— Смотри, кажется, кто-то важный прибыл, — сказал мне Лотар, указывая в сторону холма с зениткой.

Да, на соседнем холме обнаружилось какое-то движение. Какие-то люди в синих рубашках. К повстанцам прибыло подкрепление?

Там временем вдалеке, со стороны вражеских позиций раздался какой-то гул. Капитан вернулся из блиндажа с биноклем, посмотрел в небо.

— Ага, сегодня русские пожаловали...

Он так и сказал — «русише».

— А можно посмотреть, — попросил я, указав на бинокль.

— Интересуешься авиацией? Ну что ж, смотри, — сапер протянул мне свою оптику. Я тут же глянул в небо. В небе, действительно, появились самолеты. Самолеты были смешные, больше похожие на «кукурузники» с двумя парами крыльев. Кажется, это были наши «По-2». Или «У-2». На таких летали девушки в фильме «В бой идут одни старики». Очень на них похожи. И эти самолеты летели прямо на нас.

Самое удивительное, что в этот момент я очень порадовался каске, надетой на мою голову. Почему-то именно она и показалась мне в этот момент самой надежной защитой.

— Нас будут бомбить? — подал голос Феликс.

— Что ты, мой мальчик. Конечно нет, — сказал доктор Баумайстер, тоже разглядывая самолеты в небе через свой оптический прицел. — Ну, разве что совсем немного.

Доктор посмотрел на часы и перевел винтовку на соседний холм, где стояла зенитка.

— А вот и они...

Я тоже посмотрел в ту сторону. Про кого это он? Ну стоит группа людей в военной форме у зенитки, смотрят в бинокли, как и мы. Впрочем, один стоял чуть впереди. Я покрутил колесико, приблизив объект до предела. Это был... водитель Пфайфер. Помимо френча теперь на нем был какой-то длинный плащ, скорее даже мантия. Она поблескивала на солнце, словно была вышита золотыми нитями. Не удивлюсь, если так оно и было. Вот к водителю подошли двое, Душитель и Добровольная Жертва. Душитель подал Пфайферу свиток, Жертва — что-то вроде короткого жезла.

Пфайфер принял их и сразу поднял руки. Между свитком и жезлом появилось голубоватое сияние. А потом сверкнула молния. Не знаю, была эта молния шаровая, или еще какая, но она ярко сверкнула и метнулась в небо, в сторону вражеских позиций. За ней полетело еще несколько искрящихся шаров.

Через пару секунд в небе над вражескими позициями раздался хлопок, один из самолетов вдруг словно кувыркнулся в воздухе и стал падать, оставляя за собой дымный след. Тут же взорвался второй самолет, третий...

Всего самолетов было шесть, два из них еще успели сбросить бомбы на первую линию обороны повстанцев. Не очень удачно, бомбы разорвались где-то позади окопов, и не уверен, что они причинили кому-то вред. Но успел вернуться назад только один, второго тоже настигли искристые молнии с холма. И теперь он... падал прямо на нас...

— Ложись! — крикнул Лотар и увлек меня на дно окопа...

Глава 4. Атака мертвецов

Самолет до нас, к счастью, не долетел, взорвался, врезавшись в подножье холма. Я выбрался из-под Лотара, посмотрел на ребят, скорчившихся на дне окопа. Скомандовал «Отбой». И оглянулся на вопли, раздавшиеся у нас за спиной. Мятежники в синих рубашках не скрывали своего восторга, многие вылезли на бруствер и палили в воздух из винтовок. То ли просто радовались, то ли пытались подстрелить летчиков со сбитых самолетов. Я пригляделся и рассмотрел в голубом испанском небе три белых купола парашютов.

— А теперь все в блиндаж, быстро! — скомандовал вдруг доктор Баумайстер, отрываясь от камеры. Оказывается, он снимал весь воздушный бой. Теперь снова посмотрел на часы и приказал: — Зильбер, перестань ты паяться и тащи свою задницу и эту драгоценную камеру в блиндаж. Гейнике, помоги ему!

Повторять дважды ему не пришлось, и мы с Лотаром подхватили тяжелую кинокамеру и потащили ее в блиндаж.

— Вундерваффе, — сказал саперный капитан, наблюдая жирные черные следы, оставленные в голубом испанском небе советскими самолетами, похожим на кукурузники, и перекрестился.

В общем-то артобстрел был так себе. Мы в блиндаже даже толком испугаться не успели. Ну пару раз ухнуло где-то рядом. Остальное грохотало где-то вдалеке от нас. Видимо, артиллерия республиканцев была в основном по первой линии обороны. Потом вообще все затихло.

— Сидеть здесь тихо, я посмотрю, — сказал Баумайстер и вышел наружу.

И тут я услышал смех, точнее — хохот. Хохотал Генрих. Совсем чужим голосом, хриплым таким басом. И смех этот был настолько ужасен, что слушать его не было никакой возможности. Первой из блиндажа рванула фрау Штрикер, за ней все остальные. Остался лишь доктор Вебер, последнее, что я заметил, как он обнял Генриха за плечи и пытался его успокоить.

Все-таки пара снарядов по нашей позиции прилетело довольно точно. Недалеко от пулеметного гнезда дымилась воронка. Один из пулеметчиков оказался легко контужен и теперь блевал на бруствер, скинув каску и держась за виски.

Саперный капитан стяхнул комья земли со своей каски и снова вооружился биноклем. Заметив мой взгляд, покачал головой и указал на перископ. Мол, хочешь смотреть — смотри. Видимо, он еще находился под впечатлением от случившегося в небе.

Я приник к прибору, чтобы посмотреть, как республиканцы выбираются из окопов и встают в цепи с винтовками наперевес. Это уже не кино. Сейчас живые люди пойдут в атаку, в них с огромной скоростью полетит железо и свинец. И железо будет впиваться в живую плоть. Но издали — не так страшно. Издали — не люди, фигурки.

Тем временем в окопах первой линии нашей обороны тоже обнаружилось какое-то движение. Из «наших» окопов выбрались люди в черных мундирах. С карабинами с примкнутыми штыками. Человек тридцать — не больше. И эта горстка людей пошла вперед на республиканские цепи. Медленным шагом. Без криков и жестов. Как каппелевцы в «Чапаеве» во время «психической атаки».

Что-то странное происходило на поле боя под Севильей. В них, в этих черных стреляли. С близкого расстояния. Их кололи штыками. Но они не падали, они остервенело кололи в ответ. И вот от их ударов люди умирали. Около каждого эсэсовца валялись на земле трупы.

Я уже догадался, что сегодня в бой пошел тот самый взвод оживших мертвяков, которых мы видели на аэродроме в Потсдаме. Остановились они только тогда, когда противников перед ним не остались совсем. Лишь горстка республиканцев смогла вернуться в свои окопы.

А мертвяки разом развернулись и двинулись назад, не обращая внимания на выстрелы, раздававшиеся им вслед.

Теперь восторженных воплей в наших окопах не было. Даже те два пулеметчика смотрели на поле недавнего боя как-то ошалело. Словно понимая, что произошло что-то противоестественное. Опытный, бывалый солдат понимает войну. Солдат не понимает, не хочет понимать такую войну. В этом было что-то противоестественное.

— Что скажете, доктор? — спросил Баумайстер Вебера, указывая на усеянное трупами поле брани.

— Если бы не видел своими глазами... — Доктор Вебер покачал головой. — Я даже не представляю, что будет дальше.

Через полчаса на нашем холме появился Лингард. Он был в форме полковника испанской фаланги, но с железным крестом на кармане рубашки. Вид у него был совершенно торжествующий. Но очки были те же, темные

— Все живы? — разглядел нас штурмбанфюрер. — Все видели?! Первый взвод непобедимой армии! Один взвод целую роту! В штыки! Отлично! Шульц, Штрайх, ко мне в машину. Остальные — домой!

Домой — это значило в тот же самый особняк. Вот этот приказ меня порадовал. Очень захотелось домой, очень-очень.

— Товарищи! — сказал нам Баумайстер, когда мы вышли из автобуса и построились во дворе. — Вы приняли сегодня боевое крещение, мы были в одном окопе под огнем противника. Теперь мы с полным правом называть друг друга товарищами. И я горд называть таких славных ребят боевыми товарищами. Не забудьте винтовки сдать в оружейную комнату. Шлемы можете оставить при себе. Все, вольно, разоитесь. Зильбер, Гейнике, отволоките же эту чертову камеру в мою комнату.

Обед получился странный. Преподаватели обедали с нами в столовой за отдельным столом, и доктор Баумайстер выставил целый кувшин из своего заветного бочонка. И стал активно коллегам подливать. Как-то быстро наши преподаватели накидались. Даже доктор Вебер, чего я от него совершенно не ожидал.

После обеда доктор Баумайстер завалился спать, фрау Штрикер с шарфюрером Швабе отправились осматривать достопримечательности Севильи, причем, офицеру пришлось придерживать даму под руку. А доктора Вебера, который сделал какую-то попытку организовать учебный процесс, неожиданно вызвали в город. Приехал вестовой на мотоцикле и пригласил прибыть в комендатуру.

Мы, представленные сами себе, собрались в большом зале около приемника слушать новости. Сначала прослушали сводку из Берлина, потом Юрген сел «за ручки» приемника, быстро нашел местное вещание. Послушав британцев, Юрген поймал «Радио Рома». Внимательно слушал. Оказывается, Юрген хорошо знал английский, французский, итальянский и даже немного испанский. По крайней мере, сводку новостей перевести смог.

— Фаланга начинает наступление, — сказал он. — Генерал Франко говорит о решительном наступлении на Мадрид.

— А кто такой этот Франко? — спросил Клаус.

— Тоже фюрер, но испанский, — сказал Юрген. — Кажется, его выбрали вождем повстанцев.

— А про сегодняшний бой сказали?

— Да, но очень кратко. Сказали, что у коммунистов больше нет превосходства в воздухе.

— А про атаку этих... — Клаус изобразил руками колющее движение.

Юрген отрицательно мотнул головой.

— Слушай, Юрген, ты из нас самый умный, но мне кажется, что ты от нас что-то скрываешь, — сказал Клаус. — Кто они такие, эти мертвецы, которых не берет пуля? И кто этот... главный дух?

— Почему ты думаешь, что я это знаю? — повернулся к нему Фризе.

— Брось, Юрген, — ощерился Клаус. — Когда ты указал на Бернау в первый раз, я уже понял, что там что-то такое, серьезное. Давай, Юрген, расскажи камрадам, что это за чертовщина. Что ты такого вычитал в своих библиотеках?

Юрген посмотрел на нас, стоявших кружком.

— Вы точно хотите это знать? Хорошо, слушайте. В берлинском архиве Аненербе я нашел древний свиток. Вернее, список с древнего документа. Это было описание древнего магического обряда вызова мятежного духа.

— Почему мятежного? — спросил Клаус.

— Сейчас узнаешь, не перебивай. В общем-то вы сами все видели. У древнего святилища, где заточен мятежный дух, следовало провести церемонию. Принести и возложить на алтарь павшего воина в сопровождении воина — добровольца и приговоренного к смерти преступника. После магических заклинаний дух мятежного мог вселиться в тело павшего воина...

— Это Пфайфер-то воин? — усмехнулся Клаус. — Да он и мухи не обидит. Не обидел бы, был бы жив...

— Это не важно, кем именно он был. Его личность не имела значения. Главное, чтобы воевал, и погиб внезапно. А он ведь погиб внезапно, от разрыва мины, верно?

— Допустим, — согласился Лотар. — Но при чем там мы? Зиверс ведь четко сказал, что почетный караул из юношей, или как там...

— Да, — кивнул Юрген. — Полное описание церемонии вызова мятежного духа нашел уже сам Зиверс. В церемонии отважные юноши должны встретить мятежного духа...

— Да что ты заладил «мятежный дух, мятежный дух». У него вообще, имя было? Или с детства так и был мятежным?

— Имя было, — согласился Юрген. — Его звали Герлих. А имя его не упоминается, потому что оно было проклято.

— Ну конечно, — теперь уже усмехнулся Лотар. — Без древнего проклятья не обошлось.

— Вот именно, — сказал Юрген, не обратив внимания на сарказм в голосе Лотара. — Именно проклятье. Герлих был вассалом короля Германлиха. Так сказать, правой рукой, генералом. Кажется, родственником. И во много именно ему король был обязан многими победами над врагами. Ибо был Герлих по совместительству — колдуном. Ну, жрецом. И поражал врагов...

— Дай-ка угадаю, — вмешался Лотар. — Огненными молниями?

— Точно, — кивнул Юрген. — В рукописи есть картинка, где он стоит на холме и метает молнии в наступающих врагов. И вызывал он эти молнии с помощью преступника — колдуна, которого водили, закованного в цепи, и славного воина, который добровольно пошел в мир духов за этими самыми молниями.

— Ага, зато понятно, откуда Доброволец и Преступник, — догадался Клаус.

— А теперь — главное, — начал терять терпение Юрген. — По легенде Герлих верно служил своему королю, но, когда тот постарел или приболел... в общем, стал немощен и решил передать власть своему сыну, Герлих посчитал это неправильным, несправедливым, и сам решил захватить трон. Но знать его не поддержала. Его откровенно побаивались. Заговор раскрыли. Король послал свою охрану арестовать Герлиха. Но он перебил ее своими молниями. По его воле павшие восстали и вступили в бой с войском короля. И не брало их никакое оружие, ни стрелы, ни мечи.

— Что-то мне это напоминает. Их, этой охраны, часом не тридцать человек было? — почесал затылок Клаус.

Герлих, окрыленный победой, сам повел свое мертвое войско на замок короля, — продолжил Юрген, — но король его проклял и тем самым лишил магической силы. Войско колдуна протухло, его схватили и живьем захоронили в каменном склепе у святилища. А его помощников приковали к древнему дубу на съедение дикому зверью. Все.

— Надо понимать, что этот склеп до сих пор там, под Бернау, — задумчиво сказал Лотар.

— А мне больше интересно, что значит — «протухли»? — добавил Клаус.

— Это — только легенда! — вдруг подал голос Феликс. — Господин Лингард сказал, что все было по-другому. Доктор Зиверс имеет документы! Это Герлих создал великую, непобедимую армию бессмертных воинов! С него началась великая Германия! Как вы не понимает? Сегодня мы стали свидетелями великого начала! И с этой армией Германия завоюет весь мир!

Я посмотрел на Феликса с опаской. Что-то парень сильно покраснел. Неужели древняя легенда может так возбудить подростка? И тут же возразил сам себе. Легенда — легендой, а молнии, сбившие самолеты, были. И три десятка трупиков, как-то вместились в один «Юнкерс» — тоже не мой бред. Их что, штабелями друг на друга уложили и так везли? И еще меня заинтересовало это «король проклял». Что, проклял и все, колдун лишился своих возможностей? А так можно?

Клаус тут же вступил с Феликсом в спор, его поддержал Лотар.

— А вот скажи, Феликс, — ты хотел бы, как они, быть, как эти мертвые?

— Если фюрер прикажет, я буду биться до конца.

Я посмотрел на Феликса и почему-то ему поверил.

— Слушайте, заткнитесь все, — как-то устало сказал Юрген. — Надоели.

Он нашел какую-то американскую станцию с джазом, мы оставили приемник в покое и принялись играть в бильярд. Кроме Юргена никто из ребят и кия в руках не держал, поэтому единственного достойного соперника по игре он нашел в моем лице. И когда я разделал его почти всухую, не обиделся, а только мне подмигнул.

— Ты же не умел играть в бильярд, Пауль. А ты изменился с тех пор, очень сильно изменился.

Особое ударение он сделал на «с тех пор».

Перед ужином Лотар приволок большой кувшин белого вина. Сказал, что подружился с экономкой Луизой, и теперь этого добра у нас будет вволю. Потому что тут есть целый винный погреб.

Конечно, от угощения никто и не подумал отказываться. Вино было молодое и легкое, а вот мысли у меня оно вызвало почему-то самые тяжелые. Я вспомнил утренний «воздушный бой» и несчастные «кукурузники», которые, дымя, падали на землю. И рассказ Юргена. А не стал ли я невольной причиной этого самолетопадения? Если бы я не нашел это чертово место силы, если бы не осветил Генриху «защитный проход», если бы не стал помогать ему в Ведьминой башне... Ничего бы этого не было? Или они все равно нашли бы это чертово место силы и способ, как их применить? Ведь незаменимых у нас нет! Главное, определиться, кто это «они». И начать, наконец, бороться с ними всерьез.

К ужину вернулся доктор Вебер. Он рассеянно пожелал нам приятного аппетита и попросил меня зайти к нему в комнату.

Я сразу заметил, что доктор сильно расстроен. Оказалось, его вызвали в комендатуру, в Севилью в качестве... переводчика.

— Переводчика для кого? — удивился я.

— Для русского летчика, которого сбили утром. Он сбросился с парашютом, фалангисты его окружили и взяли живым.

— Погодите, а вы знаете русский? — удивился я еще больше.

— Ну да. Учил в гимназии и даже читаю Достоевского в подлиннике! — похвалился доктор. — Правда, министерство доктора Геббельса сегодня не особо жалуется этого писателя, считая его творения депрессивными. Как и произведения графа Толстого. Хотя запрета на них нет. Я же нахожу этот язык очень богатым и образным. Вот, послушай, как пишет их поэт Пушкин... «Все хлопает, Онегин входит, идьет меж кресел по ногам»...

И Вебер довольно сносно озвучил целый стих из «Евгения Онегина». Действительно, русский знает.

— Впрочем, речь сейчас не об этом. Помнишь, мы ходили с тобой по балаганам, и какой-то шарлатан прикидывался ясновидящим, а на деле просто «туманил» мне мозг, — напомнил доктор.

— Ну да, тот цыган. Он еще едва не убедил вас, что вы должны ему сто марок, — вспомнил я.

— Точно! Ты мне тогда очень помог. Так вот, мне показалось, что русский, которого сегодня допрашивали, обладает таким же даром. Он так затуманил мне мозги, что я едва не выпустил его на свободу.

— Как это?

— Да сам не понимаю, как у него это получилось. Его допрашивал лично герр комендант, летчик долго упирался, но наконец признался, что он не испанец, а француз из интербригады. Ха! Какой же он француз?! На таком жутком французском не говорят даже марсельские клошары. Он — точно русский! Но герр комендант обрадовался и этому, немедленно отправился куда-то докладывать, а этот русский... Не знаю, как у него это получилось, но мы с секретаршей очнулись лишь у дверей комендатуры, куда мы сами русского летчика и провели. И если бы комендант не вернулся, мы бы точно выпустили его на улицу. Поэтому, если не трудно... завтра я снова поеду в комендатуру, не смог бы ты сопроводить меня?

От волнения у меня пересохло во рту. Русский летчик! С даром! Я его завтра увижу. И даже, возможно, смогу помочь ему сбежать. Вот — конкретный реальный способ связаться с нашими, подать весточку о себе, наладить связь.

— Так что скажешь, Пауль, — спросил доктор Вебер.

— Конечно! Я вам обязательно помогу. Во сколько едем?

— Да после завтрака я за тобой зайду. Только надо предупредить доктора Баумайстера.

Глава 5. Летчик

Дух сновидений в этот раз не подкачал. Он показал мне ночью пленного русского летчика. Высокого красавца с мужественным лицом, с орденом Красной звезды на гимнастерке. Его допрашивали, били, пытали. Но он упорно молчал. Я понимал, что дух сновидений просто порылся в моей памяти и нашел отрывок из старого советского фильма. Ну не может быть ордена Красной звезды у него на груди, он же скрывает, что русский.

И я скрываю. У нас — много общего.

Русский летчик — та ниточка, что может связать меня с Родиной...

Даже мысленно я назвал слово Родина по-русски, с большой буквы.

После завтрака нам выделили из конюшни двуколку с тихой, смирной лошадкой, мы с доктором Вебером забрались в древний обшарпанный экипаж и поехали в город.

— Ну что, Пауль, как тебе здесь? — спросил доктор.

— Да нормально, только жарко.

— Жарко и все?

— Немного непонятно... Ребятам... Что мы здесь делаем?

Доктор тяжело вздохнул:

— Пауль, ты же уже взрослый мальчик, должен понимать. Так получилось... Когда доктор Хоффман задумывал все это, нашу школу, лабораторию, эксперименты, никто и не думал, что так далеко зайдет. Целью было — выявить одаренных детей и развить ваши способности. А ведь они есть, ты же знаешь. В планах были раскопки, изучение древних документов, поездки в Тибет, поиск Шамбалы. Развитие ваших способностей и ясновиденья. И только потом определение мест силы и получение живительной энергии. Понимаешь? Живительной. Никто и не думал, что получится именно так. А когда тебе... вам удалось установить контакт с... большим духом из Кривого леса, руководство Аненербе бодро отрапортовало о большой победе. Согласен — победа! Это же невероятно! Это переворот в науке! Мы сразу заткнули рты всем этим так называемым материалистам. Мы смогли установить контакт с древними духами, славными предками германцев. Но когда погибли люди... Целый взвод элитных солдат у Ведьминой башни! Все это сразу дошло до самого верха... Ну и...

— А почему они все погибли? — спросил я. — Мы же с Генрихом передали духу грамоты. Мы же, кажется, договорились.

— Да, но... Не все учли. Духам постоянно нужна энергия. Жизненная подпитка. Иначе говоря — жертвы. Без них они чахнут. Доктор Хоффман указывал Лингарду на это, но тот то ли не понял, то ли не захотел понять. И когда случилась эта бойня в Бернау... Списать все на подростков — весьма удобно. Вот и поступил приказ... Рейхсминистр лично потребовал убрать «все это» из Германии. Опыты, эксперименты продолжать, но без жертв в Германии. Легко сказать... Но шутка ли — целый взвод элитных солдат СС! В мирное время. Здесь — другое дело. И название красивое для операции придумали — «Дар Богов»...

— Война все спишет? — вспомнил я древнюю мудрость.

— Да, что-то в этом роде. Все спишет... И еще... победителей не судят. Ты сам видел, что было вчера на поле боя. Представляешь, что будет дальше? Лингард весь вечер просидел на почте, отсылал срочные телеграммы. Пленку уже отправили в Берлин. Подумать только, армия бессмертных...

— Точнее — армия уже мертвых.

— А, без разницы, — махнул рукой доктор.

— Но вот тот русский летчик. Вы сказали, у него есть дар.

— Определенно есть. Я пробовал ввести его в транс, применил метроном, но вдруг заметил, что сам сижу и смотрю на свои часы и подробно рассказываю ему про себя. Так что и ты будь готов, если заметишь что-то подобное.

— Всегда готов, — ответил я.

— О, смотри! Видишь эту усадьбу? Это же настоящий мавританский стиль!

Оставшуюся дорогу доктор рассказывал о красотах и архитектуре Севильи.

— С детства мечтал посетить Испанию, особо меня интересовал мавританский стиль. Андалусия! Севилья! Я ее во сне видел! И вот выпала такая возможность. Здесь находится Алькасар — дворец великих мавров! Представляешь?! Как же я мечтаю его увидеть своими глазами! Такие красоты! В Испании говорят: «Кто не видел Севилью, тот не видел чуда»! А ты знаешь, что согласно легенде, Севилья была основана греческим героем Гераклом?!

Я не знал, но представлял. Примерно такие же чувства я испытывал на аэродроме в Милане. Красота рядом, но пока не до нее. Так что особых красот Севильи мне посмотреть не пришлось. Пока много пыли и очень душно, несмотря на раннее время. А усадьба — ничего себе, симпатичная. Особняк из белого камня, примерно в таком же проживали и мы. А штаб фалангистов находился в скучном двухэтажном доме в пригороде Лос Умерос. Там же была тюрьма, где содержались пленные.

Русский летчик был в простенькой летной куртке и брюках — галифе. Видимо, пленили его в яловых сапогах, но теперь на ногах у него были жалкого вида башмаки без шнурков. Молод, по виду — нет и тридцати. Голова обвязана холстиной с проступающим бурым пятном запекшейся крови. На скуле была свежая ссадина, а верхняя губа разбита. Видимо, летчика били. Или пострадал при приземлении.

Сейчас летчика допрашивал какой-то фалангист в синей рубашке. Он нависал над пленным и что-то орал ему прямо в лицо на ломаном французском. Он сильно потел, подмышки и спина у него буквально мокрые от пота, и разило от него соответственно. Что касается летчика, то он держался мужественно, выглядел совершенно спокойно. На нас с доктором летчик посмотрел сначала равнодушно и вдруг, встретившись со мной глазами, изменился лицом. Словно что-то почувствовал. Сказал короткую фразу по-французски.

— Он спрашивает, зачем здесь ребенок, — быстро перевел для меня доктор Вебер. — Произношение, действительно, неважное.

А фалангист, услышав, что мы общаемся по-немецки, аж расплылся в улыбке. Залопотал что-то по-испански, часто поминая германского фюрера. Потом вытащил из стола какой-то сверток. Там были бумаги, жестяной портсигар и маленькая фотокарточка. Фалангист придвинул ее к доктору, тот посмотрел и двинул ко мне. На фото была девушка в белом у фонтана. Подобных девушек в подобных платьях — миллионы. Фонтанов меньше, но по нему не скажешь, в какой стране, в каком городе он находится. Фонтан и фонтан. Даже не фонтан, фонтанчик в парке на фоне кустов. Надо отметить, что фото было удачное. Девушка не позировала с дежурной улыбкой, а словно ее окликнули, она повернулась и увидела перед собой объектив. Непосредственная такая красота, настоящая.

— Ну что, попробуешь? — сказал доктор Вебер, открыл свой портсигар и протянул мне зеленоватую лепешку. — У него не было с собой документов, только несколько франков в портмоне и вот это фото.

— А что надо узнать? — спросил я, кладя лепешку на язык.

— Испанские товарищи просят нас изобличить его, как русского наемника. Им и так это известно, но он должен признаться сам. Хорошо бы также узнать его настоящее имя. Через неделю приедут зарубежные журналисты, они хотят написать о нем репортаж.

— О нем именно?

— Да, русские пленные пока — большая редкость. Они обычно предпочитают умереть, нежели сдаться. Это вызывает уважение... Этого взяли, когда он был без сознания...

Последние слова доктора я слышал уже словно в тумане на фоне журчания фонтана, радостного детского визга, гомона, и... вальса в исполнении духового оркестра. Кажется, это были «Амурские волны» в городском парке. Зато девушка на фото ожила и сразу смутилась. Она сидела на бетонном бортике фонтанчика и смотрела на фотографа.

— Ну что вы, Валерий. Я даже не причесалась...

Ага, летчика зовут Валерий. Или это она про того, кто снимал?

Я словно смотрел на девушку сверху и теперь заметил ее фотографа. Ну да, курсант летного училища со значком отличника на гимнастерке. Точно летного — в голубых петличках крылышки. Фотоаппарат «Лейка» выпросил у своего командира отделения, чтобы сходить в увольнение. Девушка Таня ему очень нравится. Он хочет ее порадовать, угостить. Но откуда у курсанта деньги? Даже на мороженку для девушки не хватает. А мороженки смешные, такие шайбы пломбира меж двух круглых вафель. И, наверное, очень вкусные. Этого пломбира много в ящике со льдом у строгой тетки в парке. Она берет пломбир и делает из него шайбы посредством блестящей штуки, похожей на щипцы. Потом кладет шайбу между двумя вафельками и дает покупателю. Курсант быстро считает в уме. Если купить все-таки одну мороженку для девушки, то на обратную дорогу на автобусе не хватит, и придется пешком через пол Липецка переть. Липецк — городок небольшой и марш-броски Валеру не пугают, но тогда из увольнительной в часть может опоздать. А старшина в роте — лютый! Можно, конечно, использовать свои «штучки», но Валера — комсомолец и тетку-кондукторшу обманывать не хочет.

Я мысленно соглашаюсь с доводами этого юного пилота. Девушка хорошая, но старшину лучше не злить. И дар свой по мелочам лучше не тратить. А тут еще новая беда — патруль.

— Курсант, ко мне! — командует капитан, старший патруля.

Курсант вытягивается в струнку и отдает честь.

— Курсант высшей летно-тактической школы ВВС РККА Валерий Лапшин!

Не по уставу представился, достаточно было назвать только звание и фамилию. Просто хотел произвести впечатление на девушку.

— Ваши документы.

Курсант вытаскивает из кармана книжечку — русско-немецкий разговорник, достает оттуда удостоверение и квиток с увольнительной. Патрульный видит немецкие буквы, хмурится.

— Занимаетесь языками?

— Так точно! Английский и французский в объеме университетской программы. Немецкий язык — в совершенстве! Сейчас осваиваю испанский...

Опять курсант хвалится перед девушкой. Ну никак не может сдержаться.

— Особая часть А-5? — переспросил капитан, разглядывая документы курсанта. — Хм... Полигон «Вифупаль» — это достойно. Языки противника знать надо. Это правильно. Мы должны помочь иностранному пролетариату.

Капитан патруля смотрит на девушку Таню и понимающе улыбается. Документы у курсанта в порядке, увольнительная до шести, вид уставной и бравый. Так и пусть молодые отдыхают, красивую музыку слушают.

Капитан уводит патруль, курсант провожает его взглядом, все еще отдавая честь.

Действие тибетской лепешки кончается. Городской парк в моей голове схлопывается, уменьшаясь до размеров скромной фотокарточки с милой девушкой. Но вроде все нужное я выяснил. Имя, фамилию, название части, где он учился. Город Липецк. Ну да, слышал я что-то про летную школу в Липецке. Теперь решить, что мне с этой информацией делать. Скрыть все или сдать нашего летуна испанским фашистам? А что тут думать? И так они знают, что он

— русский. И этого русского надо обязательно из плена выволить. Только что это за особая часть, которую капитан назвал «5-А»? И полигон еще какой-то.

— Ну что, Пауль? — заглянул мне в глаза доктор Вебер.

— Его зовут Валерий Лапшин, — ответил я и заметил, как летчик вздрогнул, услышав свою фамилию. — Он русский, лейтенант, закончил летную школу в Липецке. Отличник боевой и политической подготовки. На фото его девушка Татьяна. Кажется — невеста.

Летчик смотрел на меня, вытаращившись, как краб. Ну да, он же немецкий знает в совершенстве. Да и без того город Липецк и имя Татьяна ему переводить нет необходимости. Сейчас он думает, откуда я это узнал? Кто его сдал?

— Но я бы не стал так быстро рассказывать это иностранным журналистам. Можно испортить всю игру, — продолжил я.

Теперь доктор посмотрел на меня удивленно. Типа, какую на хрен игру?!

Признаюсь, я спланировал эту фразу у Штирлица из кино. И еще я не сказал доктору Веберу очень важную вещь. Летчик плохо говорит по-французски, зато отлично знает немецкий. В совершенстве. Но скрывает это. И этим нужно воспользоваться. Будем давать полезную информацию примерно так же, как я общался со шпионами в автомастерской.

— Он еще не знает, кто именно и как его сбил, — сказал я. — Журналисты ведь ничего не знают про операцию «Дар Богов». Она, наверняка, секретная.

— Действительно, — доктор, схватившийся было за телефон, положил телефонную трубку обратно на рычаги. — Ты прав! Скорее всего, все это строго засекречено. Однако ж надо как-то доложить Лингарду. Ничего не поделаешь, в операции он назначен главным.

Летчик продолжил сидеть с отрешенным видом, смотрел в сторону, но нас внимательно слушал. Это точно! Пусть слушает, ему полезно.

Доктор снова потянулся к телефону, но фалангист отрицательно замотал головой и подал голос:

— Но, сеньор, но!

А, все ясно. Телефонная станция в Севилье не работает. Только у главного — «коменданте» в кабинете работала немецкая полевая телефония. Гумпмошь от союзников.

— Сейчас, Пауль, я быстро, — сказал доктор Вебер, вставая. — Сделаю один звонок. Подождешь меня здесь?

Я закивал головой, прикидывая, что боле удачного момента переговорить с русским летчиком у меня не будет. Как там у Штирлица было, главное он успел сказать радистке Кэт в коридоре госпиталя. В палате — нельзя, в машине тоже. Прослушка. А вдруг и здесь тоже?

Я с сомнением посмотрел на обшарпанные стены, убогую мебель и на лицо фалангиста. Судя по томному выражению, он уже ждал сиесты. Да и телефон у них не работает, какая прослушка? И все-таки я сильно рисковал, когда начал разговор. Правда, перед этим положил фото Татьяны перед фалангистом и мысленно предложил рассмотреть внимательно эту девушку.

Сработало. Фалангист вперился в фото глазами, морда его приобрела совершенно сально выражение, словно он разглядывал порножурнал. Я пощелкал пальцами у него перед лицом, он даже и не заметил. Я повернулся к летчику:

— Здесь недалеко есть аэродром, там много самолетов. Какими из них вы можете управлять? — спросил я, конечно, по-немецки. Говорить по-русски пока было рановато.

Летчик сделал вид, что не понимает меня.

— У нас мало времени, Валерий, и вы знаете немецкий, — сказал я. — На аэродроме есть «мессеры» и «юнкерсы». Так какой?

— Любой, — буркнул летчик. — Хоть бомбардировщик. Дай добраться до аэродрома и увидишь.

— Дам, — кивнул я. — Еще не знаю как, но дам.

— Ты вообще кто? — задал летчик главный вопрос.

— Друг, — ответил я. — Если все получится, расскажу подробно. Но позже. Где вас держат?

— В соседнем корпусе, в подвале. Там что-то вроде тюрьмы с камерами.

— Есть возможность уйти, используя ваш... дар?

Летчик посмотрел на фалангиста, продолжавшего сопеть над фотокарточкой девушки, усмехнулся.

— Пробовал. Теперь они приковывают меня к трубе наручниками. Предупредили, что в следующий раз будут стрелять по ногам.

Все понятно, летчик пробовал бежать, не получилось. Да и тюрьма — не лучшее место для побега. Как там Володя Шарапов говорил: «Такие псы натасканные»...

— Ладно, через неделю приезжают журналисты, будут вас снимать. Завтра вы должны признаться, что русский. Возможно у нас получится...

Я еще не знал, что должно получиться. Но за неделю надо что-то придумать.

Летчика мое предложение возмутило:

— Сдурел? Я признаваться не буду, я Родину не предаю.

— Это не предательство. Они и так это знают, — повторил я. — Да и все знают. Как и то, что в Севилье полно немцев и итальянцев. Аэродром забит немецкими самолетами. И вас надо как-то туда доставить.

Видимо, это предложению летчику понравилось больше. И он сам стал меня спрашивать.

— Кто меня сбил? Это точно — не зенитка. И истребителей в небе точно не было. Меня словно молнией...

— Секретная программа «Дар Богов», — поспешил ответить я, услышав шаги за дверью.

Я быстро выдернул фотографию девушки Татьяны из пальцев фалангиста, положил ее на стол к портсигару летчика. Фалангист стал очумело озираться. Вошел доктор Вебер, посмотрел на нас, на фалангиста, кивнул, сказал, что все уладил. Что на сегодня мы свободны и можем посмотреть Севилью.

Фалангист понял, что допрос закончен и зазвенел ключами, отстегивая браслеты летчика от трубы.

Глава 6. Голондрина

Настроение у меня было не очень. Одно дело — пообещать доставить летчика на аэродром и устроить ему побег, совсем другое — сделать это. С учетом, что у меня всего неделя, нет средств и помощников. Даже Лотар... Да, он не ненавидит нацистов. Но он немец. Предложить немцу помочь сбежать русскому летчику? Нет, пока я не рискну. Единственное, что у меня было под рукой — мой дар. И, возможно, дар летчика. Не до конца мне понятный, но если доктор Вебер говорит, что летчик чуть было не вышел с ними из штаба... Что-то крутое, какой-то сильный гипноз, я пока управлять другими не умею.

Мы ехали на двуколке с опущенным верхом, доктор меж тем «оседлал своего конька», видимо, Севильей он был по-настоящему увлечен.

— Севилью основали финикийцы в седьмом веке до нашей эры. Обожаю этот народ! Они фактически изобрели письменность. Карфаген — это тоже они. Но потом Андалузию, как и Карфаген завоевали римляне. А в 711 году провинцию захватили мавры и удерживали ее до тринадцатого века, пока ее не отвоевал кастильский король Фердинанд Третий!

— Мавры? В смысле — Отелло?

— Да, точно. Их хватало и в Венеции!

Доктор шпарил без подсказки, как заправский гид, без запинки выдавал информацию и даты.

— А эта она! Площадь Испании! — сказал он с гордостью, словно сам эту площадь и построил.

Ну да, площадь своим необычным видом впечатляла. Огромное полукруглое здание довольно странной архитектуры.

— Ее построил в 1929 году архитектор Анибаль Гонсалес, который хотел подчеркнуть многогранность истории и величие колониального наследия бывшей империи.

— А, так это недавно, — сказал я несколько разочарованно. — А я думал — мавры.

— Нет, в мавританский дворец мы еще заедем, — пообещал доктор. — Но ты зря так про это место. Площадь Испании — это начало все начал. От нее ведет прямая дорога к реке Гвадалквивир, в южный порт, по этой реке начал свое знаменитое плавание Христофор Колумб! А с 1519 года с пристани Севильи начал своё кругосветное путешествие Магеллан! Представляешь?! Кругосветное путешествие началось по реке!

Громкие имена впечатляли, но проблемы это не решало. Как выполнить задуманное? Радовало только, что патрулей и военных на улицах почти не было видно. Да и те, что встретились, предпочитали не шататься по душным улицам, а сидели в теньке и чего-то попивали из глиняных кружек.

— О! Велосипедная лавка! — увидел я вывеску над дверью.

Доктор заинтересовался. Хотя с управлением конного экипажа он справлялся умело, но при виде велосипедов, выставленных у дверей лавки для заманухи покупателей, глаза у доктора прям загорелись.

Торговался он недолго. Скоро вышел из лавки, толкая «за рога» новенькую «Викторию» в военной сборке.

— Странное дело. В Германии такой велосипед стоит не меньше ста марок! А здесь я купил его за шестьдесят. Да еще судя по глазам пройдохи-продавца, он считает, что надул меня, — сообщил доктор. — Как увидел рейхсмарки, так у него руки затряслись. Так что, Пауль, к твоим способностям я прибавлю и удачливость в торговле. По крайней мере — по части велосипедов.

Доктор привязал «Викторию» к «заднему бамперу» нашего экипажа, посмотрел на часы, и мы поехали домой, обедать.

А дома жизнь была ключом. Доктор Баумайстер, несмотря на жару наряженный в тяжелый френч с кобурой на поясе, устроил военные саперные учения. Ребята рыли окопы в саду усадьбы. Точнее — щели на случай авианалета с бомбежкой.

— Ройте глубже, бездельники! — сердился доктор. — Как вы не поймете, что от этого зависят ваши жалкие жизни!

— Но доктор, разве не разумнее прятаться от бомбежки в подвале? — возразил Юрген, выбрасывая наружу очередную лопату пыльного щебня.

— Пустая голова! В подвале тебя и замурует, когда рухнет крыша, — доходчиво объяснил доктор. — В этой усадьбе есть только один пригодный подвал — винный погреб. Но он занят, там буду прятаться я! И не выйду оттуда, пока не опустошу все бочки! А вы ройте, если хотите выжить, в этом чертовом мире, где в бой ходят мертвецы. Ладно, бросайте рыть, марш умываться, и на обед!

Последнюю фразу он сказал, увидев нас с доктором. Хлебнул из фляжки и удалился.

Единственной компенсацией за «рабский труд» ребята посчитали обильную «добычу» — гранаты, яблоки, виноград, груши, а также поспевающие апельсины и мандарины, собранные Клаусом в саду. Он приволок целую рубашку фруктов и цитрусовых. Как только он все успевает? Ребята принялись лакомиться. Забавней всего было смотреть на Михаэля. Он и не скрывал, что видел апельсины впервые. А что ел в первый раз — тем более. Поэтому начал жрать сорванное с ветки тут же, с кожурой, как яблоко. Судя по кислой гримасе, вкусом диковинного плода остался несколько разочарован, но я даже остановить его не успел, как он сожрал весь апельсин и потянулся за добавкой. Клаус, зараза, тут же подсунул ему лимон.

Все это было весело, но моих проблем не решало. После обеда я уединился в саду, прилег под апельсиновое дерево и принялся размышлять. Нужно было как-то решать поставленную задачу. Как там Штирлиц это делал? Рисовал на листках нацистских бонз и каждого анализировал. Но у Штирлица были полковничьи погоны, длинный, жирный «Мерседес», пропуск куда только можно и радистка Кэт с рацией. И неограниченные, как мне показалось, финансовые средства. Но даже он ничего не смог сделать и поначалу сдал «пианистку» с рязанскими корнями в руки мясника Мюллера. У меня же не было ничего кроме горячего желания спасти русского летчика и таким образом наладить связь со своими. Возможности явно не равны. Но делать надо, раз взялся.

Я попробовал тоже «разложить листочки на столе». Мысленно, конечно. Итак, русский летчик Валерий Лапшин в тюрьме. Когда мы выходили из штаба, я это здание внимательно рассмотрел. Два этажа, окна в решетках, каменная ограда, по углам — вышки охранников. На одной — пулемет. Штурмовать это с одной винтовкой «Маузер» и двумя обоймами — рискованно. Посмотрим, что у меня еще ударного. Михаэль. Если затеять с тюремными охранниками ссору, дожидаться, пока они начнут нас мутузить, вот тогда Михаэль и вдарит. А вдруг как не вдарит? Тем более, я и языка не знаю, чтобы ссору затеять. Немецкому подростку в синей рубашке охранники будут, скорее всего, просто улыбаться. Да и неизвестно, проломит ли ударная волна Михаэля каменную стену? И даже если проломит, как летчика достать из подвала и от батареи отцепить.

Я решительно вычеркнул тюрьму из списка пригодных для атаки объектов. Если что-то здесь и охраняют тщательно, так это — тюрьму.

Теперь самое трудное — признаться самому себе, что в одиночку я отбить летчика не смогу. Нужна помощь извне. Подполье. Наверняка у республиканцев есть в Севилье свои люди. Но путь к нему мне может указать только сам Лапшин. Кстати, это в его же интересах. Только скажет ли? Он, наверное, сейчас сидит в подвале и офигивает от наглости врагов. Подсунули ему в качестве провокатора какого-то пацана. Не могли взрослого найти. И скорее всего, посчи-

тал меня провокатором. Обычно «наседок» прям в камеру подсаживают избитых-измученных, а тут пацан, да еще немец. Как такому верить? Я бы лично не поверил.

Как-то все это было не надежно....

Я решительно перемешал все мысленно выстроенное на столе и собрал мысли в кучку. Что я имею здесь, в Испании? Из оружия у меня только винтовка «Маузер», но даже она в оружейке под замком. Михаэль Кремерс с его даром. Ну, с ним тоже пока погодим. Оружие мощное, но малоуправляемое. Штурмовать с этим тюрьму — невозможно. Но я и не думал о тюрьме. Аэродром! Место, где много самолетов, на которых умеет летать летчик Лапшин. Все должно произойти именно там!

А путь на аэродром для меня пока — это капитан Эрик Швальбе с его ласточкой и славным экипажем. А пропуск на аэродром? Он же военный, я же видел будку и шлагбаум на въезде. Но я — подросток. Подростка пустят? Теперь найти повод для того, чтобы навестить отважного пилота. Да и нечего его искать, вот он в кармане. Я залез в карман, вытащил зажигалку. Разглядел странные письма. Странные письма — это к доктору Баумайстеру.

Господин Баумайстер находился в своей комнате и в своей постели, но был в виде совершенно затрапезном. Если только за трапезу можно садиться в армейских кальсонах. В них доктор, кстати, и находился в тот момент, когда я заглянул в его комнату. В углу комнаты надрылся патефон, изрыгая какой-то варьетешный мотивчик. Видимо из-за него доктор и не услышал моего стука в дверь.

Теперь я обратил внимание, что грудь доктора украшала странного вида татуировка. Это был готовый к прыжку леопард. Но выполнен рисунок был очень искусно, не то что синие наколки у урок. Этот был цветной, ну прям как живой. На шее у доктора было то самое ожерелье, которое он в зоопарке накинул на шею Клауса.

— Доктор, можно к вам? — проорал я.

Баумайстер покрутил пальцем у уха, показывая, что ничего из моего не слышит, и указал на патефон. Скрестил руки в районе запястий.

Я быстро подошел, поднял иглу. Разудалый мотивчик из медной блестящей трубы сразу стих.

— Тебе чего, Зильбер? — спросил доктор, садясь на койке. — Я же просил меня не беспокоить. Я же говорил, что буду занят.

Я посмотрел на столик у его кровати. Понятно, занятие более чем серьезное. Там стояла тыквенная миска, наполненная какой-то очень пахучей жидкостью янтарного цвета.

— Простите, доктор, — зачастил я, протягивая зажигалку. — Но этот вопрос можете решить только вы.

Баумайстер взял ее, покрутил в руках, надел очки, рассмотрел.

— Откуда это у тебя?

— Мне дал ее... один человек. Она очень важна для него. Там знаки... Он очень просил... Только вы можете...

Доктор знаком велел мне заткнуться, достал к очкам еще и лупу из саквояжа и принялся значки на роге изучать.

— Что могу тебе сказать, — мой мальчик, — сказал он задумчиво. — Матер, который делал из этого зажигалку — варвар и преступник. В принципе, рог носорога ничего не лечит, и сил не придает, но вот заговоренный... Тут должно быть еще три очень важных знака, которые могли бы разбудить силы, заключенные в этом артефакте. Видимо, мастер просто спилил их.

— Ну а все-таки, — заканючил я. — Приблизительно что там нацарапано?

— Победитель носорога преклоняется перед тем, кто привез его народу жизнь. И привезший жизнь всегда может рассчитывать на ответную благодарность племени как живых, так и мертвых. Этот твой летчик что-то привозил кому-то?

— Да, десять бочек воды в деревню на самолете. Во время засухи.

— Хм... Если в засуху — это довольно весомый дар. Ты знаешь, африканцы очень неохотно покидают свои земли, даже во время засухи. У них же хозяйство, скот. Теперь вижу, что не подделка. Хотелось бы с этим летчиком познакомиться.

— Так он нас сюда, в Севилью и привез. Он капитан «Ласточки». Жених фрау Фиглер из пансионата.

— Интересно, интересно, — доктор снова приблизил лупу к письменам. — Что же такого вождь ему пообещал, неужели...

Доктор не договорил, вернул мне зажигалку, погладил костяные бусы на своей шее. А я не мог отвести глаз от леопарда на его груди.

— Доктор, а это тоже из Африки? — спросил я.

— Эх, Пауль, — усмехнулся Баумайстер. — Этот континент полон тайн, а населяющие его народы... Когда доктор Хоффман пригласил меня в свою школу, я привез с собой двух братьев близнецов из Камеруна. Эти ребятки, еще будучи детьми, могли такое... Но, когда школу окончательно передали в Аненербе, эти чинуши отослали их обратно. Низшая раса, негроиды. Сказали, что им нечего делать в Европе даже в виде слуг.

Мне вдруг показалось, что леопард на груди доктора... облизнулся.

— Вот что, Пауль, мы с тобой еще поговорим об этом, — заторопился доктор, накидывая на плечи прямо поверх бус рубашку, — а пока оставь меня.

Он отдал мне зажигалку и снял бусы с шеи. Уходя я обратил внимание, что кинокамера стоит в углу на своей треноге, но коробка для пленки пуста. Видимо, уже увезли на проявку.

У дверей особняка доктор Вебер возился со своей «Викторией». Судя по сияющему виду, он был от велосипеда просто в восторге. Доктор увидел меня, обрадовался.

— Смотри Пауль, что за чудо я купил... Мы с тобой купили. Тут двойные тормоза и усиленная вилка! Да на таком велосипеде и в дальний поход не страшно отправиться.

— А дадите прокатиться? — спросил я.

— Конечно... Тебе куда? — удивленно спросил доктор.

— Хочу доехать до аэродрома.

— Зачем тебе на аэродром?

— У меня дело к пилоту Эрику. Ну, это летчик, который нас привез. Он мне дал одну штуку, чтобы я показал доктору Баумайстеру. Там древние письмена.

— Ну, разве что письмена. Хорошо, прокатись... Только в городе патрули, тебя могут остановить. Погоди-ка.

Доктор передал мне руль велосипеда, а сам направился в дом. Вернулся довольно быстро с каким-то листком. Это был пропуск с печатью. Немецкой печатью с орлом и свастикой. В пропуск уже было вписано мое имя.

— Вот, возьми. Господин Лингард оставил нам для срочной связи. Он вообще-то настаивал, что только с его подписью, но поскольку его срочно вызвали в Берлин, так что пока, думаю, сгодится с моей подписью...

Я с благодарностью посмотрел на доктора и на пачку пустых бланков в его руках. И подумал, что иногда удача сама тебя находит.

Я крутил педали, ветерок свистел у меня в ушах. Действительно, очень хороший велосипед. Именно на «Викториях» будут ездить по нашей земле немецкие вестовые и легкая разведка летом 41-го. Вермахт сделает велосипедной фабрике огромный заказ. Педали уже сделаны широкие, под армейский сапог, есть специальное крепление под автомат или винтовку. Решетчатая корзиночка впереди для противогаса. А пока подросток к синей рубашке и такой

же пилотке с кисточкой катил по улицам древней Севильи и дождавшиеся сиесты испанцы провожали его свистом и одобрительными выкриками.

До полевого аэродрома было километров десять, велосипед катил хорошо, по дороге ездили редкие встречные грузовики с кузовами, набитыми корзинами с гранатами. Ну да, в октябре на юге Испании был сбор гранатов. И никакого намека на войну. Даже раскатов артиллерии не было слышно. Юрген намекнул, что после того воздушного боя и атаки мертвецов в эфире что-то изменилось. Теперь республиканцы уже гораздо реже заявляли о своей победе. А вылеты авиации прекратились вовсе.

Охрана на аэродроме была поставлена из рук вон плохо. Шлагбаум был опущен, но охраны не было заметно вовсе. Мне даже пришлось подзвонить в звонок, только тогда из кустов появился полусонный солдат в пилотке с кисточкой. Видно, его хорошенько разморило от жары, он осоловело посмотрел на мой пропуск, рассмотрел печать и махнул рукой «Проезжай». Ну и дисциплинка. А меж тем на аэродроме кроме транспортных самолетов стояли и вполне себе боевые истребители «Ме-109» с крестами на крыльях, со свастиками на хвостах. Не успели еще перекрасить? Около двухэтажной будки с вышкой я заметил несколько вырытых в земле щелей и прикрытую маскировочной сеткой зенитку. Видимо, будка была диспетчерской.

Не было бы у меня пропуска, я бы и не думал в будку заглядывать, но коли выпал такой случай... Дверь будки была открыта, я без помех поднялся на второй этаж, где обнаружил сильно потного диспетчера, сидевшего за столом с радиостанцией и микрофоном. Он удивленно на меня посмотрел и что-то сказал. Несколько раз прозвучало «мучачо». Это по-испански — мальчик. Ну мучачо, так мучачо. Видимо, диспетчер интересуется, какого хрена мне тут надо.

— Эрик Швальбе, — сказал я и, раскинув руки, изобразил самолет. — У-у! Дойче капитан.

Диспетчер сначала меня не понял, но потом сообразил, видимо, самолет я изобразил очень похоже.

— О! Голондрина! — почему-то обрадовался диспетчер. — Алеман авиадор Эрик! Си! И он замахал рукой, видимо, указывая направление, где я мог найти искомое.

Так, буду надеяться, что это то, что мне нужно. Запомним, голондрина — ласточка. А авиадор, видимо, авиатор, пилот, а алеман — это я знаю. По-испански алеман — немец, немецкий. Какой легкий язык.

Глава 7. Разведка без боя

Как я и ожидал, «Ласточка» стояла в конце летного поля у лесной опушки. Видимо, капитан Эрик привычек своих не менял и выбрал для стоянки место, удобное и для отдыха. Раскладной столик со стульчиками был установлен в теньке, сам Эрик качался в гамаке, натянутом меж деревьев, его лейтенанты, обнаженные по пояс, ковырялись в правом двигателе самолета.

— О, Пауль! — обрадовался мне Эрик. — Какими судьбами?!

— Да вот, решил вас проведать и рассказать про зажигалку, — сказал я, доставая подарок из кармана.

Летчики сразу прекратили манипуляции с двигателем, подошли к нам. Видимо, их привлек велосипед, они сразу затеяли ссору кто из них «даст кружок» по аэродрому первым. Я не возражал.

— Ну как вы тут? — спросил я капитана.

— Скучно, — сказал он. — Вечером ходили в город, осмотрели этот дворец мавров. Впечатлило! Все остальное очень провинциально. На уровне портовых кабаков. Кино — немое. А тут еще левый двигатель масло погнал.

Я не совсем уловил связи между портовыми кабаками и утечкой масла в левом двигателе, а потому просто передал слова Баумайстера про зажигалку и таинственные знаки на ней.

— Черт! Получается, Зигмунд испортил мне хорошую вещь? Ну да ладно, обратно не приделаешь. О! А ты очень вовремя, как раз к обеду. Нашел вчера в порту ресторан и приличного немецкого повара, вон видишь, привезли нам обед.

Я повернулся. Обед прибыл на тележке, которую притянул ушастый ослик. Молодой улыбчивый парень остановился рядом с нами, раскланялся и тут же стал сервировать стол. Тележка была вместительная, на велосипедных колесах.

— Давай, Пауль, моем руки и за обед! — предложил мне летчик и указал на жестяной рукомойник, прибитый к стволу березы. — Нравится мой рукомойник? Привез из России! Верно служит до сих пор.

На обед был красный фасолевый суп и тушеная капуста с мясом. Все было приготовлено очень вкусно, вместо компота было белое сладкое вино.

— Сажу, Пауль, а что там говорят о про воздушный бой под городом? Ну, где сбили много русских. Слышал что-нибудь? — спросил пилот.

Я подумал и выложил все, что видел своими глазами. Про молнии в небе. Правда, не упомянул, что каким-то образом был к источникам этих молний причастен. И про атаку мертвецов тоже рассказал.

— Значит, Эмма не шутила, — сказал Эрик, прикуривая. — Значит, их штучки — не такие уж и просто штучки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.